

Константин Глобачев ПРАВДА О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА ПЕТРОГРАДСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Правда о русской революции» — так озаглавил свои воспоминания последний начальник Петроградского охранного отделения Константин Иванович Глобачев. Он — один из первых представителей политической полиции, который начал описывать события тех лет сразу же по «горячим следам», закончив их в течение года (1922 г.), предполагая опубликовать. Очевидно, к этому его подтолкнули и та обстановка, в которой он находился, и те разговоры, споры среди эмигрантов, обвинявших друг друга в происшедшем в Феврале 1917 г. Возможно, не последнюю роль сыграла здесь и опубликованная работа А. А. Блока «Последние дни старого

режима»¹, перепечатанная Г. В. Гессеном в издании «Архив русской революции». Участвуя в работе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по «расследованию действию бывших министров и прочих должностных лиц», Блок имел доступ к архивным документам последних дней существования Российской империи, присутствовал на допросах министров, руководителей политической полиции России. В своей книге он неоднократно ссылается на доклады К. И. Глобачева министру внутренних дел и в Департамент полиции, в которых сообщается о настроении в столице и необходимости принять срочных мер против нараставшего революционного движения.

Сам Глобачев, сообщая о мотивах, побудивших его взяться за перо, пишет: «Предлагая настоящие воспоминания, я должен сказать, что опубликованием их я отнюдь не имел в виду излагать историю русской революции или разбирать в широком масштабе причины,

¹ Блок А. А. Последние дни старого режима // Былое. (1919/1920). № 15. В 1921 г. эта работа вышла отдельной книгой в издательстве «Алконост» в Петрограде под другим названием: «Последние дни императорской власти». Книга имела шесть приложений, очень интересных для понимания обстановки в Петербурге в предфевральские дни 1917 г.

вызвавшие это пагубное явление, — это задача слишком сложная в настоящее время и будет уделом будущего беспристрастного историка, а хотел лишь дать тот материал, который наравне с прочими материалами мог бы послужить к изложению таковой истории...». Далее он продолжает: «Мне, как лицу, близко стоявшему к правящим сферам, с одной стороны, и по роду своей деятельности имевшему непосредственное соприкосновение с разными слоями населения, — с другой, приходилось много беседовать, наблюдать и видеть такого, что могло ускользнуть от внимания простого обывателя или мало компетентного в вопросах внутренней политики лица...»

Воспоминания Глобачева интересны со многих точек зрения. Это и записки чиновника, непосредственно наблюдавшего нарастающую волну революционных событий, и свидетельства руководителя учреждения, призванного бороться с силами оппозиционного движения, хорошо знавшего настроение во всех слоях русского общества, видевшего, как рушится империя и пытавшегося в силу своих возможностей, прав и полномочий, противостоять этим силам. О том, что Глобачев остро чувствовал надвигающуюся угрозу, видно из его донесений, а также документов,

сохранившихся в Департаменте полиции².

Большое внимание в воспоминаниях уделяется организации политического сыска и общественным настроениям предреволюционного Петрограда, организации и деятельности Центрального военно-промышленного комитета, его взаимоотношениям с властями. При изложении событий, свидетелем которых он был, Глобачев не ограничивается констатацией фактов, но дает им и свою оценку.

Не менее важны и приводимые им сведения, касающиеся структуры охранного отделения, его численного состава и деятельности накануне революции. С этой точки зрения его мемуары будут полезны исследователям внутренней политики России, истории ее государственных учреждений, политического розыска, а также широким кругам читателей. Их значение возрастает и в связи с тем, что специалисты по истории Петроградского охранного отделения располагают лишь небольшим

² См.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Донесения сохранились в фонде 102. (Департамент полиции: Особый отдел. 4-е делопроизводство), в фонде Дворцовой охраны (Ф. 97): ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1916. Д. 61 г. 9 лит. А; 00. 1916. Д. 5. Ч. 57. Лит. Г: 00.1917. Д. 20. Ч. 57; Д. 5. Ч. 57; Д. 20. Ч. 56; Л, 347: Д. 341; Д. 341. Ч. 57. Ф. 97. Оп. 4. Д. 117 и др.

составом документов, сохранившихся в Февральские дни 1917 года.

В настоящее время фонд Петроградского охранного отделения (ПОО), хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации, насчитывает 6058 ед. хр. Основная его часть — это дневники наружного наблюдения за оппозиционно настроенными лицами, а также по охране высокопоставленных лиц и зданий; документы, связанные с филерской службой (положение о центральном филерском отряде, программы и расписание занятий с филерами, маршруты их служебных командировок), отдельные материалы по охранной команде.

Дела общей канцелярии, через которую проходили основные документы за ранние годы (1866–1894), практически не сохранились, за более позднее время имеются лишь отдельные дела³. Масштаб утраченного можно оценить исходя из того факта, что фонд Московского охранного отделения, созданного спустя 15 лет после Петроградского и также пострадавшего в тот

³ ГА РФ. Ф. 111. Оп. 1–8. Аннотацию ив фонд см.: Путеводитель. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX — начала XX в. / Ред. С. В. Мироненко, Грегори Л. Фриз. М., 1994. Т. 1.

период, насчитывает 51 226 дел⁴.

Каких-либо данных о том, что сотрудники Петроградского охранного отделения принимали участие в уничтожении своих документов, ни в архивных источниках, ни в воспоминаниях Глобачева обнаружить не удалось. Но, судя по тому, что существовал негласный циркуляр об уничтожении особо секретных документов в случае выступлений революционеров и возможности захвата ими учреждений политического сыска, часть документов, особенно тех, в которых содержались сведения о секретной агентуре, должна быть уничтожена самими чиновниками. Некоторые исследователи считают, что Охранное отделение было подожжено революционно настроенной толпой не без участия представителей политической полиции.

Материалов агентурного отдела не сохранилось совсем. Однако их отсутствие в какой-то мере восполняется отчетами и докладами Охранного отделения в Департамент полиции, которые хранятся в его фонде.

В связи с тем, что в настоящее время среди

⁴ См. также: Архивное дело. М., V927. Вып. XIII. С. 29; Перегудом 1 И. Политический сыск России. (1880–1917). М., 2000. С. 222.

историков часто возникает спор о личности Г. Е. Распутина и наблюдениях за ним, стоит упомянуть, что в воспоминаниях Глобачева этому сюжету посвящена небольшая глава. Автор высказывает свою точку зрения на личность Распутина, его отношения с царской семьей. «Влияние Распутина на императрицу объяснялось, — по мнению Глобачева, — исключительно верой ее в Распутина как в молитвенника и охранителя драгоценного здоровья ее сына, наследника престола...».

Пожалуй, Глобачев более чем кто-либо другой знал о поведении Распутина и его влиянии. Глобачев отмечает: «...отношения его к особам царской семьи, даже в моменты самого широкого разгула, были весьма корректны...»⁵.

Глобачев не был ни другом, ни врагом Распутина, не состоял в круге его почитателей, он непосредственно отвечал за его охрану и одновременно организовывал наблюдение за ним. В ГА РФ сохранилось довольно много дневников наружного наблюдения за Распутиным за 1910–1916 гг., клички наблюдения за ним были «Русский», «Темный». Особенностью этих дневников является то, что они представляют собой

⁵ Глобачев К. И. Правда о русской революции. См. паст. изд. С. 86.

машинописные копии филерских наблюдений. Оригиналов рукописных филерских дневников, которыми следовало бы пользоваться, обнаружить не удалось. Поэтому существует точка зрения, что эти дневники — более поздняя фальсификация. Некоторые исследователи считают, что наблюдение не велось, а все это — сочинение полиции. Что же нового вносят воспоминания в данный вопрос?

Глобачев недвусмысленно свидетельствует о систематической слежке за Распутиным, которая производилась ПОО. Они подтверждают показания других представителей политического сыска, в том числе директора Департамента полиции и товарища министра внутренних дел С. П. Белецкого, данных Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г. Как пишет Глобачев, практически ежедневно на стол министру ложился материал наблюдения за Распутиным со списком лиц, которых он посещал, с которыми встречался. Разумеется, министру подавался не рукописный материал филеров, как правило, малограмотных, а машинописные документы. То, что сейчас хранится в архиве, — это вторые, третьи экземпляры дневников, представлявшихся министру. Подобные машинописные копии дневников сохранились в архиве в связи с наблюдением и за С. Ю. Витте.

Важным дополнением к воспоминаниям К. И. Глобачева являются написанные в 50-х гг. записки

его жены Софьи Николаевны Глобачевой (урожденной Поповой) «Прелюдия происходящих в мире событий», посвященные внукам Олегу и Владимиру. Женщина с сильным характером, преданная мужу и детям, она всеми силами стремилась выстоять в сложных условиях революции, Гражданской войны и эмиграции. Не теряя надежды, она предпринимала отчаянные попытки освободить мужа, арестованного при Временном правительстве, последовательно добиваясь встреч с министрами А. Ф. Керенским, П. Н. Переверзевым, следователем, который вел дело. Затем продолжала борьбу, когда находясь под арестом, ее муж оказался в руках ВЧК.

Председатель петроградской чрезвычайки М. С. Урицкий, на прием к которому ей довелось попасть, поразил ее тем, что отдавал, как ей показалось, «похоже, разумные распоряжения...».

Уже в эмиграции С. Н. Глобачева делала все возможное, чтобы ее внуки не забывали Россию и русский язык. Софья Николаевна сама в качестве преподавателя занималась с ними ежедневно. Недаром ее младший внук Владимир Георгиевич Маринич стал историком, профессором, преподавателем истории России. Помимо впечатлений, фактов, связанных с Февральской революцией, в ее воспоминаниях довольно много места уделено первым годам жизни семьи в

эмиграции:

В заключительной части книги помещен очерк внука К. И. Глобачева Владимира Георгиевича Маринича, написанный им на основе рассказов своей матери Лидии Константиновны, а также документов Бахметевского архива Колумбийского университета (США), Государственного архива Российской Федерации и материалов семейного архива.

Система политического сыска России складывалась десятилетиями, и происходившие в ней изменения были связаны с внутренними событиями в стране, ростом оппозиционного и революционного движения. Создавались новые учреждения и их внутренние структуры.

Учитывая недостаток литературы и исследований по истории Петербургского охранного отделения, где в последние годы работал К. И. Глобачев, составители сочли целесообразным коротко осветить его историю, основные вехи эволюции, которые претерпело это учреждение, рассказать о его руководителях.

Петербургское охранное отделение и его руководители

Петербургское охранное отделение или просто «Охранка» было первым специализированным охранным ведомством в России. Оно было создано в 1866 г. после

покушения Д. В. Каракозова на императора Александра II при канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника и первоначально именовалось «Отделение по охранению общественного порядка и спокойствия в столице».

Спустя год стали организовываться губернские жандармские управления (ГЖУ), явившиеся основными учреждениями в деле борьбы с нараставшим революционным движением. На них возлагалась задача ведения политического розыска в губерниях, производство дознаний по государственным преступлениям.

Между новым учреждением и уже существовавшим Отделением по охранению общественного порядка и спокойствия в столице произошло некоторое размежевание функций. Предусматривалось, что охранное отделение будет заниматься политическим сыском, в то время как ГЖУ — производством дознаний. На деле же эти учреждения порой дублировались. ГЖУ часто выполняло функции наблюдения, дознания и розыска, в то время как Охранное отделение, действуя в городе, порой занималось не только розыском, но и производством дознания. Наличие двух таких серьезных учреждений в столице оправдывало себя.

Основной структурой, через которую велась

работа Охранного отделения и где накапливался материал о его деятельности, была общая канцелярия, делившаяся на столы. Каждый из них имел свою специфику и задачи. Так, был стол, занимавшийся личным составом Охранного отделения и одновременно учетом арестованных лиц. Номера столов и их функции порой менялись. Например, один из них вел переписку о благонадежности и устанавливал адресе отдельных лиц по запросам ГЖУ. Позднее, когда было создано Особое совещание об административной высылке, появился стол, ведавший этим вопросом, а также розыском лиц, упомянутых в циркулярах Департамента полиции, перепиской об арестованных в порядке охраны, осмотром вещественных доказательств. В канцелярии существовала архивно-справочная часть, где производилась регистрация документов, формирование дел, выдача справок, велась картотека. Со временем, с появлением партийных организаций, был создан стол, в котором осуществлялась переписка по политическому розыску (о политических партиях, общественных, студенческих организациях, профессиональном движении). Это подразделение и «агентурная канцелярия» (в последние годы — седьмой стол) являлись самыми важными в охране, структура которой впоследствии стала еще сложнее (о чем

пишет Глобачев в своих воспоминаниях), а численный состав вырос в несколько раз.

На Петербургское охранное отделение с момента его создания возлагались большие надежды. У нового учреждения, стоящего в Центре общественного движения, серьезные задачи и много работы. Предполагалось, что им будут управлять компетентные офицеры, обладающие широкими знаниями, способные померяться силами с революционными активистами, подпольем, террористами. Однако стоит отметить, что в течение первых лет Охранное отделение, призванное быть оплотом борьбы, оказалось во власти лиц, не сумевших выполнить поставленные перед ними цели. Оно мало чем проявляло себя вплоть до 1879 г., когда активизировалась деятельность организации «Народная воля». Начатая ею Кампания покушений и убийств известных государственных чиновников и охота на императора, заставили обратить на нее серьезное внимание. Слабость руководителей Петербургской охраны может быть объяснена еще и тем, что Третье отделение — орган высшей политической полиции России, который руководил учреждениями политического розыска на местах, столкнувшись с оппозиционными силами, сам стал терять главенствующие позиции.

В 1880 г. при реорганизации системы

политического сыска с упразднением Третьего отделения и созданием Департамента государственной полиции' (позднее — Департамент полиции), Петербургское охранное отделение перешло в непосредственное его подчинение.

Какие же были предшественники Глобачева? На фоне всех руководителей Петербургского охранного отделения, пожалуй, первым, с момента его организации, кто обратил на себя внимание своей распорядительностью, смелостью, настойчивостью и организаторскими способностями, был Георгий Порфирьевич Судейкин, назначенный на этот пост в 1881 г. по рекомендации киевского военного прокурора В. С. Стрельникова. Их совместная работа в Киеве, определенная жесткость, порой неразборчивость в средствах, использование провокационных методов, вызывали обоюдное взаимопонимание⁶.

Судейкин был родом из дворян Смоленской губернии, по окончании Смоленской гимназии поступил на правах вольноопределяющегося в 4-й

⁶ О политических процессах, в которых участвовали Стрельников и Судейкин см.: Троицкий Н. А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М., 1978; Он же. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. М., 1979.

пехотный Капорский полк рядовым. Затем, после присвоения чина унтер-офицера, был командирован в Московское пехотное юнкерское училище, которое окончил в 1870 г. 18 августа 1870 г. он получил чин прапорщика, а на следующий год — подпоручика и назначение на должность и. д. полкового адъютанта. В декабре 1872 г. «За отличие по службе» произведен в поручики.

В сентябре 1873 г. Судейкин изъявил желание перейти в Корпус жандармов. При переходе в корпус, как правило, велась проверка деловых, моральных, профессиональных качеств претендента. Генерал-майор Алхазов, командующий 4-м пехотным Капорским Его королевского высочества наследного принца Саксонского полком, писал о Судейкине: «Состояния родового не имеет, отзывы о нем лиц, хорошо его знающих как в служебном отношении, так и нравственном, вполне выгодные»⁷. И далее: «...способностей отличных, с первого дня производства в офицеры обращал особенное мое внимание усердием к службе, а с назначением в должность полкового адъютанта, кроме того добросовестно и усердно относился к своим обязанностям, которые исполнял примерно, по

⁷ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 4339. Л. 6.

нравственным качествам достоин всякого уважения и пользуется в глазах всех репутацией безукоризненного офицера»⁸.

Пожалуй, здесь уместно сказать, что в социальном плане большинство офицеров были безземельными дворянами, что означает их принадлежность к нижнему слою российской элиты. Часто амбициозные молодые люди из дворянских семей, которые не могли мечтать о карьере гвардейского офицера, надеялись поступить в жандармский корпус, служба в котором казалась им более притягательной, чем в обычной армии. Несмотря на то что престижность жандармского корпуса с начала XIX в. значительно снизилась, темно-голубая форма на рубеже веков все еще сохраняла свою привлекательность, особенно в кругу провинциалов. Так, А. И. Спиридович, начальник дворцовой агентуры в охране императора Николая II в 1906–1916 гг., писал в своих воспоминаниях: «Матушка моя не раз говорила мне..., что она хотела бы видеть меня или артиллеристом или жандармом, сестры же уже прямо убеждали меня идти в жандармерию. Воспитанные в архангельской провинциальной глуши, далекие от всякой политики, они были

⁸ Там же. Л. 7.

чужды обычных интеллигентских предрассудков, против синего мундира, и смотрели на жандармского офицера просто: офицер, служба серьезная, очень важная, жалование хорошее, форма красивая, чего же еще нужно для брата?»

Служба была действительно важна, по крайней мере для новобранцев. Как утверждал Спиридович, «в наших подразделениях нас учили, что солдат служит царю и отчизне и защищает от внешних и внутренних врагов». А на вопрос: «Кто внутренние враги?» — он ответил: «воры, мошенники, убийцы, шпионы, социалисты и вообще все, кто против государя и внутреннего порядка страны».

Большинство жандармов, обладали традиционно патриотическим мировоззрением, беспрекословно подчинялись власти и были верны идеалу абсолютной монархии и клятве верности государю. Несмотря на то что они имели военную подготовку, их нельзя назвать милитаристами. Это были, скорее, солдаты, давно привыкшие к условиям мира, главной ценностью в их понимании являлась честь, а не доблесть. Поэтому мало кто из жандармов чувствовал себя комфортно перед лицом новых задач, связанных с подавлением мятежа, поставленных перед Департаментом полиции и органами политического розыска в предреволюционные годы.

Но вернемся к личности Г. П. Судейкина. В 1880-е гг., не имея средств, он поставил перед собой цель добиться максимума возможного своим умением, старанием, трудолюбием. Первым шагом к будущей карьере стало поступление на военную службу, вторым — переход в Корпус жандармов. Он блестяще прошел обязательные испытания и «оказался способным к жандармской службе».

В феврале 1874 г. Судейкин был переведен в Корпус жандармов и назначен адъютантом Воронежского жандармско-полицейского управления (ЖПУ) ж. д. Эта должность предусматривала порой замещение начальника ЖПУ ж. д. при отсутствии у последнего помощника. Способности Судейкина не остались без внимания. В последствии его назначили помощником начальника Киевского губернского жандармского управления у генерала В. Д. Новицкого, а затем перевели в Петербург.

Высоко ценил Судейкина известный деятель, государственный секретарь А. А. Половцев, отмечавший, что тот носил жандармскую форму не по обязанности, а по убеждению, с воодушевлением. Битва с нигилистами была для него сродни охоте, со всеми ее ухищрениями. Умелая борьба, риск, удовлетворение от успеха — все это играло роль в попытках расследования Судейкина, попытках, увенчавшихся успехом. В

этой должности он сокрушил «Народную волю», чем обратил на себя внимание.

После убийства императора Александра II правительство разработало Положение об усиленной охране от 14 августа 1881 г. на основании которого в ряде губерний России вводилось чрезвычайное положение. Это давало как общей полиции, так и политической довольно широкие полномочия. Одновременно рассматривались мероприятия по усилению последней, несмотря на недавнее создание Департамента государственной полиции. Возникает идея расширения сети охранных отделений, которых в России в это время было два: Петербургское и созданное 1 ноября 1880 г. по распоряжению министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова Московское отделение.

3 декабря 1882 г. император Александр III утвердил Положение «Об устройстве секретной полиции в империи». Руководить деятельностью секретной полиции поручалось особому инспектору, назначаемому товарищем министра, заведующим государственной полицией. В Положении указывалось, что инспектор секретной полиции действует по особой преподанной ему инструкции 4. На эту должность был назначен Г. П. Судейкин. По мнению Ф. М. Лурье, изучившего его карьеру, должность инспектора столичной

секретной полиции была создана специально для Судейкина, отличившегося при разгроме народнических кружков и 1879 года⁹.

В январе 1883 г. в министерстве была разработана и утверждена товарищем министра П. В. Оржевским Инструкция инспектору секретной полиции, которая давала Судейкину широкие полномочия, делала его самым влиятельным офицером службы безопасности.

Очевидно, секретная полиция должна была стать в какой-то мере противовесом для недавно созданного Департамента полиции, который еще не успел себя проявить, но уже отстранялся от руководства новым учреждением. Сам инспектор назначался товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией и действовал по его инструкции. Одновременно Судейкин подготовил циркуляр о изложении своих взглядов на методику сыска, которую предполагал проводить в жизнь. Она строилась на распространении в революционных организациях духа шпиономании, подозрений, ссор, ложных слухов, дискредитации подпольных изданий. Это были чисто провокационные методы борьбы, которые впоследствии взял на вооружение П. И. Рачковский.

⁹ Там же. Л. 14.

Рост революционного движения, возрождение в ряде городов организаций «Народной воли», попытки террористических актов потребовали определенных реорганизаций. 5 августа 1883 г. в составе Петербургского охранного отделения создается специальная команда. В ее обязанность входила охрана путей в районах проезда императора, во время его прогулок, посещения театров, а также министров, иностранных послов и других лиц. Позднее была издана Инструкция о порядке службы охранной агентуры¹⁰.

Профессиональный рост Судейкина, однако, на этом прекратился, В конце 1883 г. он был убит при участии его секретного сотрудника С. П. Дегаева¹¹. Создание же секретной полиции в империи, как оно замышлялось по инструкции, практически приостановилось.

Действия Петербургского охранного отделения, несмотря на успехи в борьбе с революционным движением, в дальнейшем

¹⁰ ГА РФ. Ф. 102.00. 1910. Д. 202. Л. 30.

¹¹ Троицкий М. А. Дегаевщина // Вопросы истории. 1976. № 3. С. 235–127. Pipes, Richard. The Degev Affair: Terror and Treason in Tsarist Russia. New Haven, Conn: Yale University Press, 2003.

блестящими назвать было нельзя. В его руководстве отсутствовали яркие фигуры. В начале 1884 г. начальником отделения стал К. П. Вельбицкий, который хотя и был достаточно хорошо подготовлен к этой службе: имел военное образование (окончил Полтавскую военную гимназию, 3-е военное Александровское училище по первому разряду), восемь лет состоял на службе в Отдельном Корпусе жандармов, хорошо характеризовался, но в Петербурге не удержался. 12 октября 1885 г. товарищ министра внутренних дел Оржевский направил его в распоряжение начальника Одесского жандармского управления генерала Катанского, который в то время был тяжело болен. Вельбицкому пришлось практически исполнять его обязанности. Предполагалось его возвращение в Петербург. Вельбицкий ушел в четырехмесячный отпуск и уже не вернулся на место своей службы.

Временно исполняющим обязанности начальника Петербургского охранного отделения назначили Петра Васильевича Секеринского, который возглавлял его почти десять лет. Он был из солдатских детей, окончил Варшавское реальное училище, корпус топографов. В мае 1854 г. поступил на военную службу, был назначен унтер-офицером в главный штаб действующей армии, участвовал в подавлении восстания в

Польше в 1863 г. В 1865 г. служил в Варшавском дивизионе, через год получил чин поручика, через шесть лет (в 1872 г.) — штабс-капитана. Потом восемь лет прослужил в Польше помощником начальника жандармского управления Варшавского, Новоминского, Радиминского уездов, затем начальником жандармского управления Лодзинского, Райского, Брезинского уездов.

Стоит отметить, что служба в польских губерниях была определенным трамплином и испытанием для наиболее способных офицеров Корпуса жандармов, которые затем переводились во внутренние губернии и, как правило, становились начальниками столичных охранных отделений. В Польше служил и предшественник Секеринского Вельбицкий.

Секеринский продолжал борьбу с народовольцами, за арест 18 января 1886 г. одного из них, С. А. Иванова, удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени и 3 тыс. руб., как указывалось в документе, «за отличие в деле по розыску государственного преступника»¹². Отличился он и на следующий год, когда был раскрыт заговор 1 марта 1887 г. (подготовка покушения на Александра III). Один из

¹² Там же. Л. 18.

заговорщиков, П. И. Андреюшкин, похвастался в своем письме другу от 20 января 1887 г., что принимает участие в важном деле, и что ему надо быть осторожнее с полицией. За ним было установлено наблюдение, после чего Андреюшкин и его соучастники были арестованы. Только после этого полиции стал ясен масштаб операции. Дело, конечно, было раскрыто не благодаря каким-либо особым способностям Секеринского. Здесь сыграла роль перлюстрация переписки заговорщиков. Однако успешная операция дала ему преимущество над соперниками и позволила остаться в должности еще десять лет. За это Секеринский получил «орден Св. Станислава 2-й степени, штатные чины охраны 2750 руб., филеры — 3000 руб., каждому филеру по 1000 руб.»¹³.

С апреля 1887 г. Охранное отделение стало именоваться Отделением по охране общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге.

Всего Секеринский прослужил руководителем ПОО двенадцать лет. Первые два года он числился прикомандированным к Петербургскому охранному

¹³ См.: Троицкий И. А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. С. 33–34; ГА РФ. Ф. 102. 3-е д-во. 1894. Д. 240. Л. 291–292; Ф. ПО. Оп. 2. Д. 6398. Л. 4.

отделению. Его утвердили в должности только в 1888 г. Наиболее активными были первые пять лет службы. В одной из записок, составленной для В. К. Плева в декабре 1903 г. указывалось, что благодаря его «постоянной работе явился ряд задержаний весьма серьезных революционных деятелей и революционных организаций... в числе каковых арест нелегального террориста (1886), задержание на улице с метательными снарядами пяти лиц, злоумысливших на священную жизнь особы Его Императорского величества (1 марта 1887 год), арест членов народовольческой организации, имевшими связь с революционерами за рубежом (1889), задержание кружка террористов (1890)».

В декабре 1890 г. Секеринскому в награду за труды его «всемилоостивейше» было назначено добавочное содержание 800 рублей в год.

В последующие годы Секеринский в основном жил старыми заслугами и не очень ладил с Департаментом полиции. Недаром его руководители П. 1–1. Дурново и С. Э. Зволянский в делах розыска все чаще прибегали к помощи Московского охранного отделения.

Несколько позднее в Петербурге и Москве были созданы отряды филеров. Московское и Петербургское охранные отделения как бы соревновались между собой в области наблюдательной деятельности своих филеров.

Департамент полиции отдавал предпочтение московской школе, которой руководил небезызвестный Е. П. Медников.

В феврале 1890 г. директор Департамента полиции, обращаясь за помощью в Московское охранное отделение, писал местному обер-полицмейстеру о том, что «московские филеры усвоили себе приемы наблюдения несколько отличные от приемов, практикуемых в С.-Петербургском охранном отделении». В связи с тем что «эти приемы не были известны местным революционерам и зарекомендовали себя как весьма эффективные», директор Департамента полиции просил командировать в Петербург филеров Московского охранного отделения, возложив руководство ими на Медникова.

Когда встал вопрос об организации «Летучего отряда филеров» Департамента полиции, то он был создан при Московском охранном отделении и руководил им Медников. По указанию Департамента, он командировался в различные губернии империи для наблюдения за «революционным элементом».

В 1897 г. проходила проверка расходования секретных сумм Петербургского охранного отделения: оплаты секретной агентуры, конспиративных квартир. Обнаружилось много нарушений, в связи с чем Секеринского уволили с

поста руководителя. Штаб корпуса, не согласный с таким решением, назначил его начальником С.-Петербургского губернского жандармского управления¹⁴.

Следует отметить, что при всех проверках деятельности охранных отделений и губернских жандармских управлений особое внимание уделялось работе руководителя по набору секретной агентуры, «заагентуриванию» арестованных при допросах. Практически начальство часто оценивалось исходя из того, сколько имелось секретных сотрудников, особенно по каждой партии, движению. Очевидно, в случае с Секеринским сыграли и какие-то личные мотивы и сложные взаимоотношения по службе. Во всяком случае в выше упомянутой записке указывалось, что это назначение явилось как бы актом поощрения, что министр внутренних дел и шеф жандармов Горемыкин объявил «лично благодарность [Секеринскому] за отлично-успешную службу в должности

14 См.: С.-Петербургское охранное отделение в 1895–1901 гг.: Труд чиновника отделения Р. Статковского // Былое. 1921. № 16. С. 116; ГА РФ. Ф. 102 Оп. 316. Д. 9. Ч. 1. Л. 20-25об.; Ф. 102.00. 1898. Д. 2. Ч. 1. Л. 139. Письмо Зубатова Ратаеву от 26 апреля 1897 г.

начальника охранного отделения...»).

Место Секеринского занял В. М. Пирамидой. Деятельность нового начальника Петербургского охранного отделения оказалась чрезвычайно неэффективной, в том числе в поиске и руководстве агентурой, организации наружного наблюдения. Остается лишь догадываться, благодаря какому сочетанию покровительства и снискания милости у вышестоящих чиновников он умудрился продержаться на этом посту четыре года. 11 ирам и до в погиб в результате странного несчастного случая в июле 1901 года.

Преемник Пирамидова Н. И. Мачалов (1901 г.) прослужил менее года. Позднее, в 1901 г., начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов (1896–1902) смог устроить своего помощника И. А. Сазонова на вакантное место руководителя отделения. Сазонов утверждал, что когда он принимал на себя это руководство, то получил лишь одного посредственного осведомителя. Пройдя хорошую школу Зубатова, он немедленно приступил к расширению агентурной сети и уже 3 января произвел несколько арестов активистов «Искры».

Успехи Сазонова были замечены. Его перевод в августе 1903 г. в Департамент полиции был связан с увольнением С. В. Зубатова с должности заведующего Особым отделом Департамента

полиции. Ученик занял место учителя. Кандидатура Сазонова была одобрена в Министерстве внутренних дел.

В 1903 г. Сазонова сменил Л. Н. Кременецкий, который был назначен в спешке, он оказался недостаточно компетентным офицером безопасности. Судя по всему, у него не было надежных осведомителей, отсутствие которых он компенсировал провокационными методами, как уже это делал в Екатеринославе. По указанию С.-Петербургского генерал-губернатора Д. Ф. Трепона, он был уволен в январе 1905 г.

Практически до начала 1905 г. не было сильной фигуры в руководстве Петербургского охранного отделения. В феврале 1905 г. его начальником, по представлению директора Департамента полиции А. А. Лопухина, был назначен А. В. Герасимов, до этого возглавлявший Харьковское охранное отделение и, как указывалось в послужной характеристике, отличившийся «испытанною уже опытностью, глубоким знанием дела и редкой преданностью служебному долгу». Он оказался именно той фигурой, которая была необходима правительству в этот сложный период революционных потрясений. Сам Департамент полиции и его руководство находились в растерянности вплоть до июня 1906 г., когда его директором назначили М. И.

Трусевича.

Вспоминая свои первые дни в Петербурге, Герасимов писал, что «первую ночь в охранном отделении я провел за пустым письменным столом — в то время как вокруг меня офицеры и чиновники занимались непонятной деятельностью, — отчаиваясь и кляня свою судьбу, поставившую передо мною такую задачу. Мне ничего иного не оставалось, как сказать находящимся под угрозой террора высоким особам: «Террористы замышляют против вашей жизни. Они нам неизвестны. Мы не можем ничего против них предпринять. Мы можем только одно рекомендовать- если вам дорога собственная жизнь, не покидайте своих жилищ»».

В Петербурге Герасимов активно берется за дело, наводя порядок в самом охранном отделении и занимаясь борьбой о революционным движением. Генерал-майор Трепов, чрезвычайно довольный его действиями, считал, что благодаря «исключительно умелой распорядительности и энергии были задержаны главные распорядители смуты», обнаружены «мастерские разрывных снарядов, предупрежден ряд акций», причем «воя работа проводилась при постоянной угрозе со стороны революционеров»¹⁵.

¹⁵ См.: Государственный архив Российской Федерации

В июне 1905 г. Герасимов «вне правил» получил чин полковника, в 1906 г. — орден Св. Владимира. На протяжении последующих двух лет он тесно работал с премьер-министром П. А. Столыпиным. другими должностными лицами, чтобы раскрыть, подорвать и в конечном итоге разрушить подпольные революционные организации в России. Под руководством Герасимова отделение проводило десятки арестов революционеров. За свои активные действия он в 1907 г. получил чин генерал-майора, в 1908 г. удостоен Высочайшей благодарности, а 1 января 1909 г. награжден орденом Св. Станислава 1-й степени.

Тайная полиция успешно раскрывала один заговор за другим. Тем не менее за этими действиями скрывалась мрачная действительность. Социалисты-революционеры планировали убийства всего правого крыла Госсовета, министра юстиции И. Г. Щегловитова, великого князя Николая Николаевича и самого императора. В эти планы,

(далее — ГА РФ). Донесения сохранились в фонде 102. (Департамент полиции: Особый отдел. 4-е делопроизводство), в фонде Дворцовой охраны (Ф. 97): ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1916. Д. 61 г. 9 лит. А; 00. 1916. Д. 5. Ч. 57. Лит. Г: 00.1917. Д. 20. Ч. 57; Д. 5. Ч. 57; Д. 20. Ч. 56; Л, 347: Д. 341; Д. 341. Ч. 57. Ф. 97. Оп. 4. Д. 117 и др.

видимо, входило также покушение на Столыпина во время его полета на самолете. Трое матросов на разных судах готовы были застрелить императора, находившегося на кораблях в Ревеле 17 мая и в Кронштадте 24 сентября 1908 г. В центре проводимых полицией охранительных мер стоял А. В. Герасимов, а за ним Е. Ф. Азеф. Герасимов доверял последнему, хотя проверял и перепроверял его донесения. Однако Азеф не упоминал о заговоре в Кронштадте, и полиция ничего не знала о нем. Лишь по счастливой случайности Николай II был спасен: двое матросов не смогли заставить себя выстрелить в монарха. Позже Спиридович писал: «Мы понятия не имели о том, насколько близки мы были к катастрофе». В результате разоблачения Азефа в январе 1909 г. общественность была шокирована, правительство дискредитировано, социал-революционеры впали в отчаяние от стыда и ужаса, а высокопоставленные служащие полиции, включая самого Герасимова, оказались в опале.

В октябре 1909 г. последнего на посту начальника охранного отделения Санкт-Петербурга заменил Сергей Георгиевич Карпов. Уроженец области Войска Донского (р. 1864 г.), казак, получил образование в 4-м Московском кадетском корпусе и 3-м военном Александровском училище по 1-му разряду, что свидетельствовало о его больших успехах. Военную службу начал в 1886 г.

подпоручиком в 131-м пехотном Тираспольском полку. В Штаб корпуса был принят в мае 1895 г. и в конце года получил чин штаб-ротмистра. В первое время служил на родине адъютантом Областного (Донского) жандармского управления, начальником отделения жандармско-полицейского управления, помощником начальника Областного жандармского управления в Ростовском округе. Продвигался по службе медленно, занимал в основном должности в ЖПУ ж. д.4 Спиридович кратко характеризовал его личностью, не соответствующей профессиональным требованиям¹⁶. Почему же в таком случае он был назначен начальником самого большого и важного в стране охранного отделения? Некоторые полагали, что Герасимов хотел, чтобы его сменила личность ничтожная, на фоне которой он выгодно отличался бы собственным профессиональным мастерством. Как бы подтверждая этот слух, Виссарионов признавал, что «Карпов не мог так легко занять его место». Начальник Московского охранного отделения А. П.

¹⁶ Spiridovich A. / Les dernieres... Т. 1. Р. 313; Виссарионов С. Б. Падение царского режима (Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства). М.;Л., 1925. Т. 3. С. 481.

Мартынов, встречавшийся с Карповым и его подчиненными, вспоминал: «...полковник Карпов едва ли был нормальным человеком. Он весьма сухо и высокомерно принял меня... Впечатление он на меня произвел странное. Он топорщился, силясь подчеркнуть свое значение среди руководителей политического розыска. Я быстро распростился с ним и в беседах с офицерами, состоявшими в этом отделении и хорошо мне знакомыми, заметил растерянность и полное непонимание причин, поведших к тому, что они приобрели такого странного начальника. Рассказывали, например, что Карпов принимал подчиненных для доклада в совершенно голом виде».

Судьбу Карпова решил эсер А. А. Петров. Арестованный вместе с О. С. Минором в начале 1909 г., он дал согласие стать секретным сотрудником, в связи с чем полиция посодействовала его побегу из тюрьмы. Затем он уехал за границу и сознался во всем своим товарищам по партии. Они потребовали, чтобы он «искупил грехи» путем убийства одного из полицейских чиновников. Карпов настолько слепо доверял Петрову, что оборудовал специально для него конспиративную квартиру на Астраханской улице, в доме № 25, в Выборгском районе. При их очередной встрече 17 декабря Петров подорвал установленную под столом в гостиной бомбу.

22 декабря 1909 г. начальником охранного отделения Санкт-Петербурга был назначен Михаил Фридрихович фон Коплен. (На него попытался совершить аналогичное покушение в апреле 1909 г. в Париже другой доносчик — Михаил Рнпс) Фон Котен учился в Полоцком кадетском корпусе, Павловском военном училище, Николаевской военной академии Генерального штаба в Санкт-Петербурге, что сделало его вместе с Глобачевым единственными высокопоставленными офицерами, начальниками охраны с высшим образованием. Возможно, поэтому К. Д. Кафафов вспоминал фон Котен а, как одного из очень немногих образованных офицеров политической полиции, которых принимали «в любом обществе». Губернатор Москвы, где фон Котен был начальником охранного отделения начиная с апреля 1907 го. на тал его «блестящим руководителем», который воспитывал у своих подчиненных преданность к работе и «корпоративистский дух». Спиридович считал его «умным, интеллигентным и способным», но полагал, что он «использовал рискованные методы». Тайный осведомитель характеризовал фон Котена как человека, «с которым трудно разговаривать, жесткого, рассказчика неприличных анекдотов и полного собачьей преданности к автократии».

Очевидно, фон Котен был весьма

талантливым охранником, скорее всего не уступавшим Герасимову, но, возможно, такой умный, настойчивый профессионал, не чуравшийся любых методов полицейского сыска, не был правильным выбором для времени, когда завоевание общественной поддержки для правительства являлось более важной задачей, чем ликвидация остатков уже уничтоженного подпольного революционного движения. Во всяком случае, таково было решение товарища министра внутренних дел, заведующего полицией В. Ф. Джунковского, назначенного на этот пост в начале 1913 г. Человек с высоким чувством чести или, по крайней мере, производивший впечатление одержимого им, Джунковский посвятил много усилий и времени «зачистке» полицейских организаций. Он стремился защитить и поддержать государственный порядок, но не применял для этого традиционно использовавшиеся методы, запретив иметь секретную агентуру в армии и средних учебных заведениях. По этому поводу им был издан специальный циркуляр. Однако дальнейшие события показали, что действия Джунковского не были оправданными.

В планы Джунковского по чистке аппарата тайной полиции входило смещение фон Котена. В ноябре 1913 г. он организовал ревизию охранного отделения в Санкт-Петербурге. Созданная им

комиссия, собравшая достаточно компрометирующего материала, обосновала необходимость этого увольнения. Она обнаружила наличие «слишком большого количества беспочвенных арестов» и «недостаточность перекрестной проверки» отчетов агентов, Судя по всему, такие погрешности свойственны были всем охранным отделениям, но говоря уже о жандармских управлениях.

Хотя градоначальник Д. В. Драчевский и предупреждал, что не может гарантировать обеспечение безопасности в столице без фон Котена, тому предложили «повышение» до главы жандармерии на периферии, от которого он вежливо отказался и в январе 1914 г. добровольно ушел в отставку из жандармского корпуса. Одно время он был начальником штаба Кронштадтской крепости, затем занимался укрепленном российской контрразведки, для чего выезжал в секретные командировки в Германию и Австрию, потом служил в Гельсингфорсе.

Преемником фон Котена стал П. К. Попов, пребывавший до этого на посту начальника Севастопольского жандармского управления. Сначала он просил Джунковского отклонить его кандидатуру, но после согласился на эту должность только «но три месяца», а прослужил в течение года. За это время мало что изменилось в

деятельности охранного отделения. П. К. Попов был на хорошем счету в Департаменте полиции и Министерство внутренних дел, считавших его крупным специалистом в доле политического сыска. Да и сам он себя считал таковым.

Интересно отметить, что в 1913–1915 гг. Департамент полиции много занимался вопросом обновления инструктивного материала по политическому розыску. Эта работа была поручена подполковнику В. Э. Энгбрехту, который закончил он в декабре 1914 г. Документ имел заголовок «Наказ по ведению политического сыска» и содержал три основных раздела. «Наказ» Энгбрехта был послан на заключение полковнику Попову, которое, к сожалению, отыскать не удалось. В связи со смертью Энгбрехта Попов перехватил инициативу по подготовке этого документа, значительно доработал и расширил его уже в качестве штаб-офицера для поручений при министре внутренних дел.

С уходом Попова с должности начальника охранного отделения Джунковский приступил к поиску «человека, который, как он полагал, был безупречным жандармским офицером», способным возглавить Петроградское охранное отделение. Им стал К. И. Глобачев, с которым Джунковский познакомился во время своего визита в Нижний Новгород в 1913 г.

К. И. Глобачев — начальник Петроградского охранного отделения

Константин Иванович Глобачев родился в апреле 1870 г. в семье потомственных дворян. Окончил Полоцкий кадетский корпус (за год до фон Котена), затем Павловское военное училище. В 1890 г. был назначен младшим лейтенантом в Кексгольмский лейб-гвардии полк, размещенный в Варшаве. Дальнейшее образование продолжил в Николаевской академии Генерального штаба (1890 г.) в Санкт-Петербурге, по окончании которой вернулся в свой полк на должность батальонного адъютанта. За обучение в академии, на основании приказа по военному ведомству, он обязан был срочной службой в нем.

Августейшим шефом Кексгольмского полка являлся австрийский император Франц-Иосиф. По Высочайшему повелению от 28 марта 1897 г. Глобачев был командирован в Санкт-Петербург для его встречи. В связи с этим событием, а также с 50-летием назначения австрийского монарха шефом полка Глобачеву были вручены кивалерский орден Франца-Иосифа и юбилейная серебряная медаль.

1 мая 1899 г. ему поручили исполнять обязанности делопроизводителя полкового суда. 25 сентября 1900 г. назначили заведующим учебной командой. Незадолго до этого он получил чин штабс-капитана.

В феврале 1903 г. Глобачев ИЗЪЯВИЛ желание перейти в Корпус жандармов. Как было сказано выше, при переходе в корпус обязательно собирались сведения об офицере, его нравственных качествах, долгах, отношениях с товарищами. В фонде «Штаб отдельного корпуса жандармов», хранящемся в ГА РФ, сохранилось дело «О переводе в корпус штабс-капитана лейб-гвардии Кексгольмского полка Глобачева», где имеется характеристика, данная ему начальником Варшавского ГЖУ. Она невелика по объему, но достаточно интересна по содержанию: «... Константин Глобачев прекрасных нравственных качеств, весьма способный и усерден в службе, пользуется хорошей репутацией, как у своего начальства, так и в среде своих товарищей, частных долгов не имеет, за исключением долга в офицерский заемный капитал своего полка «...» названный обер-офицер представительной наружности «...» теоретически знает французский, немецкий и говорит по-польски...».

28 февраля 1903 г. К. И. Глобачев был внесен в список кандидатов на прикомандирование к Корпусу жандармов, приглашен на подготовительные курсы, обязательные для поступивших офицеров. В этом же году он был принят в Корпус жандармов и направлен в Петроковское ГЖУ адъютантом.

Надо отметить, что должность адъютанта определенное время исполняли все офицеры, принятые в корпус. Это была своего рода стажировка, когда офицеры знакомились с организацией делопроизводства в ГЖУ, присутствовали на допросах арестованных, поддерживали связь с представителями прокуратуры по тому или иному делу и входили в курс работы своей будущей профессии. Через несколько месяцев (1 апреля 1904 г.) Глобачева перевели в резерв Бакинского, затем (29 мая 1904 г.) Гродненского ГЖУ. 5 сентября 1905 г. его назначили начальником жандармского управления в Лодзинском и Ласском уездах. Это был небольшой, но самостоятельный участок работы.

В Польше организация службы жандармских управлений несколько отличалась от подобной внутри России. Жандармские управления находились в каждом губернском городе. Начальник губернского управления имел нескольких помощников, которые находились в уездах, где возглавляли местные жандармские управления. Что касается Привисленского края, то руководители уездных жандармских управлений именовались не помощниками, а начальниками, имели определенную самостоятельность, что вырабатывало большое чувство ответственности.

Однако с Глобачевым вышло несколько

иначе: его назначили не только руководителем уездным жандармским управлением, но и начальником Лодзинского охранного отделения. Такое сочетание двух должностей в одном лице оказалось достаточно благоприятным для выполнения своих служебных обязанностей: не было обычных распрей между службами жандармского управления и охранного отделения, удалось справиться с таким беспокойным фабричным районом, как Лодзь, с его постоянными забастовками и объявленным локаутом. В одном из документов, связанных с событиями в Лодзи, в сообщении помощника варшавского генерал-губернатора от 25 сентября 1907 г. указывалось, что «после постоянных забастовок в Лодзи, когда объявленный локаут заставил 25 000 рабочих, под влиянием утраты до известной степени веры в своих преступных руководителей, встать на работы, спокойствию города и дезорганизации революционных деятелей много способствовал своею энергиею полковник Глобачев».

С рабочими выступлениями справиться было проще, чем с многочисленными нелегальными партийными организациями Лодзи — анархистами-коммунистами, Бундом, сионистами-социалистами, Национальным рабочим союзом, Польской социалистической партией,

Социал-демократией Королевства Польского и Литвы. Проводились обыски, аресты, высылки, но не всегда представлялась возможность внедрения своей агентуры.

Местное начальство было довольно работой Глобачева. Недаром генерал-майор Казнаков возбудил перед министром внутренних дел ходатайство о производстве того в полковники¹⁷.

После четырех лет службы в Лодзи Глобачева перевели в Варшаву. Когда в декабре 1909 г. начальника Варшавского охранного отделения П. П. Заварзина перевели на должность руководителя Московского охранного отделения, то первой и окончательной кандидатурой на освободившееся место был Глобачев. Он возглавил Варшавское охранное отделение и Привисленское районное охранное отделение. Это была большая ответственность за г. Варшаву и практически за все польские губернии, входившие в состав Российской империи.

Стоит подчеркнуть, что к числу основных задач районных охранных отделений (РОО) относилось создание внутренней агентуры для «разработки» всех местных партийных организаций. Начальникам РОО предоставлялись

¹⁷ Там же. 1909. Д. 51. Ч. 14. Л. I

широкие полномочия по организации политического сыска на местах, но Департамент полиции предъявлял им и большие требования, касающиеся знания района, деятельности охранных отделений и ГЖУ, проведения инструктажа, ознакомления работников политического сыска с секретными инструкциями.

Районные охранные отделения стали создаваться в начале 1907 г. «в целях успешной борьбы с революционным движением». Положением о РОО на них возлагалась задача объединения всех функционирующих в пределах района (охватывающего несколько губерний) органов политического сыска. РОО, по замыслу их организаторов, должны были централизовать и направлять работу по политическому сыску в определенном регионе. Немалое значение придавалось знанию обстановки на местах, принятию быстрых решений, тесному сотрудничеству охранных отделений и жандармских управлений.

Переход Глобачева в Варшаву совпал со временем, когда шла серьезная проверка кадрового состава сотрудников политического сыска и их работы. В это время в Департамент полиции в качестве заведующего Особым отделом вернулся полковник А. М. Еремин. Его последнее место службы в Кавказском районном охранном

отделении, знакомство с порядком в отдаленных ГЖУ вызывало много вопросов. Но именно им была разработана анкета ¹⁸ по ежегодной аттестации офицеров. Вопросы были очень серьезные, кроме обычных: возраст, где воспитывался, семейное положение, были ли взыскания, денежные дела, награды, образ жизни, имущественное положение, ставились вопросы: владеет ли иностранными языками и какими; как владеет пером; «степень твердости воли и нравственных правил»; каковы умственные способности; знаком ли с историей революционного движения и в какой степени; знает ли программы и уставы партий (социал-революционеров, РСДРП. Анархистов), а также национальных партий; знает ли инструкции по ведению внутренней агентуры и наружного наблюдения; отчетность по розыску; «сколько лично приобрел в отчетном году секретных сотрудников и по каким партиям»; каких сотрудников: интеллигентов или рабочих; «способен ли к самостоятельной полицейской деятельности»; умеет ли руководить подчиненными и пользуется ли у них авторитетом; не склонен ли к

¹⁸ См.: ГА РФ. Ф. 102.00. 1909. Д. 93. Л. 11об.; 1910. Д. 141. Л. 2-2об.

провокационным приемам и т. д.

В связи с этим начались проверки и инспекции Департамента полиции на местах, которые проходили под руководством его вице-директора С. Е. Виссарионова. (За три года, которые Глобачев возглавлял Варшавское охранное отделение, он дважды подвергался такой инспекции — в октябре 1909 г. и феврале 1911 г.) Их результаты были неутешительными. Как сообщалось в одном из отчетов, проверки привели «к самым грустным выводам», показали, что «офицеры были бездеятельны в деле политического сыска, некоторые не знали дела, а некоторые отрицательно-сознательно относились к нему».

Товарищем министра внутренних дел и Департаментом полиции по результатам проверки рассылались циркуляры, напоминавшие об обязанностях розыскных офицеров. В одном из них (от 3 апреля 1910 г.) отмечалось, «что начальники охранных отделений, не исключая и районных, совершенно не занимаются подготовкой к розыскной деятельности офицеров, занимающих должности в охранных отделениях». Это послужило причиной увольнения 14 начальников ГЖУ в Москве, Нижнем Новгороде, Смоленске, Рязани, Гродно, Минске, Херсоне и других центрах, признанных неспособными «к руководству розыскными органами».

Глобачева в его работе активно поддерживал помощник варшавского генерал-губернатора генерал-лейтенант Л. К. Утгоф, который видел ту серьезную для властей обстановку, сложившуюся в Привисленском крае. 9 марта 1912 г. он писал в Департамент полиции: «Усердно ходатайствую о том, чтобы представления мои [на] чинов Варшавского охранного отделения были уважены». Он делал представления и на полковника Глобачева к награде «по сокращенному сроку», указывая, что тот «несет непосильный труд по району и по отделению» и что награждение его является «не только заслуженным, но и необходимым поощрением для человека, столь обремененного работой».

Между тем Виссарионов, по результатам проведенной проверки, в своем отчете дал совсем не лестную характеристику начальнику Варшавского охранного отделения, который до тех пор был на хорошем счету. Глобачева упрекали в том, что он не знаком со всеми секретными сотрудниками, «лишен энергии и слишком мягок, не следит за работой и не интересуется, насколько каждый из чиновников... ревностно относится к своим обязанностям»¹⁹, а также мало занимается

¹⁹ Там же. Л. 54.

укреплением численного состава секретной агентуры.

Это был серьезный недостаток с точки зрения Департамента полиции, который по этому поводу издал целый ряд циркуляров, требуя от начальников ГЖУ и охранных отделений активно создавать секретную агентуру во всех слоях общества. Но дело это было непростое, и некоторые коллеги Глобачева, чтобы не упасть в глазах руководства департамента, шли на прямой подлог, записывая в число секретной агентуры своих друзей, соседей, знакомых, об этом даже не подозревавших. Выяснилось же это только в 1917 г., во время деятельности комиссий Временного правительства, когда стали публиковаться списки секретных сотрудников в периодической печати. Об этом подробно писал С. Членов, работавший с материалами Московского охранного отделения и ГЖУ. В своей книге он сообщает, «что после категоричного приказа из Петербурга в 1911 г. иметь осведомителей среди населения, жандармы, поставленные между двух огней... начали составлять фиктивные списки, включая в них тех лиц, к которым они обычно обращались за разными справками. Таким образом, и у местных жандармов, и в губернских управлениях оказались списки их знакомых, волостных старшин, писарей, старост...». Глобачев,

безусловно, не пошел по такому пути.

Утгоф, недовольный результатами ревизии, встал на его защиту. Он направил в Департамент полиции памятную записку, в которой ходатайствовал разрешить Глобачеву ходить на свидания только с теми сотрудниками, которых он «ведет», а с остальными, «когда он признает нужным». Очевидно, что при проверке была допущена определенная предвзятость, так как тон обсуждения Глобачева меняется. Резолюция на этой записке, доложенной товарищу министра внутренних дел, написана рукой Виссарионова и заканчивается следующими словами: «ему [Глобачеву] разрешается вести наиболее серьезных [секретных сотрудников], знать же он должен всех». В Департаменте полиции был решен вопрос о его переводе на другую должность.

Согласно приказу по штабу корпуса от 20 ноября 1912 г. Глобачев был назначен начальником ГЖУ в Нижнем Новгороде, куда он выехал 23 декабря 1912 г. Было ли это понижение?! Конечно, должность начальника Варшавского охранного отделения была престижной. Ведь когда говорили о трех столицах, то имели в виду Петербург, Москву и Варшаву. Но должность начальника ГЖУ в Нижнем Новгороде, известном своими ярмарками, также была достаточно важной. Кроме того, шла подготовка к 300-летию Дома Романовых, а

Нижний Новгород в этих торжествах играл очень важную роль.

Очевидно, все перипетии, павшие на долю Глобачева в Варшаве, сильно задели его самолюбие, а может быть, его удаление из Варшавы имело и другую причину: слишком долго он оставался в Польше, что порой приводило к сращиванию с местным чиновничеством и населением, мешало принимать радикальные и жесткие меры.

С первых же дней своего пребывания в Нижнем Новгороде Глобачев ходатайствует об усилении унтер-офицерских пунктов и учреждении нового в с. Высокое Ардаговского уезда, об увеличении средств на наем помещения под ГЖУ²⁰.

Просматривая документы Московского районного охранного отделения (в сферу которого входил и Нижний Новгород), можно обнаружить, что Глобачев очень быстро вошел в среду местных чиновников и жандармов. Составленные им донесения в Департамент полиции и Московское РОО²¹, в том числе и интересная записка «о

²⁰ Там же. Ф. 280. Оп. 7. 1913. Д. 5036. Т. 3, 4.

²¹ Там же. Д. 5037. Т. 1, 3; Д. 5038. Т. 1; Д. 5040. Т. 1.

деятельности революционных партий в Нижегородской губернии и настроении населения в 1912–1913 гг.»²² свидетельствуют о его активной деятельности.

Во время подготовки торжеств к 300-летию Дома Романовых товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский объезжал губернии, разрабатывая маршрут поездки императора Николая II по городам России, в числе которых был и Нижний Новгород. Здесь произошло знакомство Глобачева с Джунковским и состоялся серьезный разговор о мерах охраны императора и его свиты. Позднее в своих воспоминаниях Джунковский писал, что полковник Глобачев произвел на него «прекрасное впечатление, которое и подтвердилось вполне, когда я с ним познакомился поближе. Он оказался отличным во всех отношениях офицером, прекрасно разбиравшимся в розыском деле; спокойный, мягкого характера, честный, он держался скромно и не старался выделиться. Я его выдвинул впоследствии на ответственную должность начальника С.-Петербургского охранного отделения, на каковой должности он оставался до самой революции, ни разу не

²² Там же. Д. 5036. Т. 1. С. 36–45. Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 169.

уклонившись в сторону от преследуемого мною направления, которое, впрочем, вполне соответствовало и его характеру».

В начале февраля 1914 г. Глобачева перевели на достаточно престижную должность начальника Севастопольского жандармского управления 4. Именно тогда у него сложились хорошие отношения с генералом Спиридовичем, заведующим дворцовой агентурой. Их сближали общие задачи и совместная дружная работа на благо дела. Это сотрудничество продолжалось и в последующие годы, когда Глобачев работал в Петроградском охранном отделении.

Много позднее Спиридович в своей книге писал: «В последнее время охранное отделение помещалось в особняке, принадлежавшем принцу Ольденбургскому, на Мытнинской набережной. Громадные комнаты, много их, лепные потолки, зеркала, ковры. В огромном дубовом кабинете я беседовал с генералом Глобачевым. Не глупый, работающий, исполнительный и глубоко порядочный человек, Глобачев был типичный хороший жандармский офицер, проникнутый чувством долга и любви к царю и родине. Но он был мягок и не мог по характеру наседать на начальство. Для мирного времени он был хорош, для надвигающейся смуты — мягок. У него не было ничего от Герасимова, который когда-то с Дурново и со Столыпиным

скрутили первую революцию... Глобачев находил политический момент очень серьезным. Катастрофа на фронте и в тылу почти полная. Вся левая общественность решила использовать момент и старается вырвать у государя «ответственное министерство». А куда это приведет, Бог ведает. Некоторые депутаты договариваются в своих мечтаниях до Учредительного собрания»²³.

Со Си при лови чем можно согласиться в том, что Глобачев был мягок и интеллигентен и в происходивших событиях он разбирался прекрасно, ситуация для него была ясна. Но в отличие от Герасимова, которого слушали и слушались и которому была дана *carte blanche*, Глобачев находился в другой ситуации. Его не слышал ни директор Департамента полиции Васильев, ни министр внутренних дел Протопопов, которого интересовало только одно — организация охраны Распутина. Рядом с Герасимовым были такие фигуры, как Столыпин, Дурново, Трепов, рядом с Глобачевым — совершенно ничего не понимавший в вопросах политического сыска Протопопов, безумно боявшийся депутатов Государственной думы и каждого решительного шага полиции. У

²³ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917. Нью-Йорк, 1960. С. 184.

Глобачева не было рычагов воздействия на высшее начальство, поэтому даже для того, чтобы арестовать рабочую группу Военно-промышленного комитета, ему приходилось испрашивать разрешение у министра внутренних дел.

То, что говорит Спиридович, это, безусловно, не упрек. Это просто не знание Спиридовичем тех возможностей, которые были в данной ситуации у начальника отделения и независимо от его личности. Сам Глобачев в своих воспоминаниях по этому поводу пишет: «Охранное отделение, как и все прочие органы политического розыска в империи, было прекрасно налаженным в техническом отношении аппаратом для активной борьбы с революционным движением, но оно совершенно было бессильно бороться с все нарастающим общественным революционным настроением будирующей интеллигенции, для чего нужны были другие меры общегосударственного характера, от охранного отношения не зависящие. В этой области охранное отделение давало только исчерпывающие информации, советы и пожелания, которые упорно обходились молчанием».

В делах Департамента полиции сохранился интересный доклад «О причинах дороговизны и мерах, направленных на борьбу с ней», составленный еще 27 января 1916 г. Это был

серьезный аналитический документ с примерами и экскурсом в историю, автор которого как бы предвидел, во что может вылиться положение с продовольствием. Доклад был направлен в Министерство внутренних дел, откуда 31 января его переслали в Департамент полиции. Имеются пометы об ознакомлении с ним в Департаменте и пометы: «4/2; 5/2; К делу 6,11», сделанные разным почерком. Но были ли приняты какие-то важные меры, можно ли Глобачеву было в этой ситуации ждать реальных поступков от директора Кафафова К. Д., как впоследствии и от директора Васильева? В своих объяснениях, данных Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, Васильев А. Т. охарактеризовал свою задачу как руководителя следующим образом: «Я всегда считал, что Департамент полиции не должен играть какой-либо самостоятельной роли, а должен служить центром, где сосредотачиваются те или иные сведения, по существу коих должен так или иначе оперировать лишь министр внутренних дел».

Конечно, большая часть вины за неспособность принятия необходимых мер лежала на правительстве и главным образом на последнем российском императоре. Но можно ли сказать, что суровый и требовательный чиновник, ответственный за охранное отделение в Петрограде в феврале 1917 г., способен был Изменить роковой

ход событий того месяца?

По словам А. А. Блока, «доклады охранного отделения в 1916 году дают лучшую характеристику августейших настроений; они исполнены тревоги, но их громкого голоса умирающая власть уже услышать не могла». Летом 1916 г., судя по сохранившимся в Департаменте полиции донесениям и по воспоминаниям Глобачева, последний потребовал от командующего Петроградским военным округом генерала Н. Е. Туманова вывода из столицы всех военнослужащих запаса как неблагонадежные и распропагандированные части. Однако последний отказался это сделать. Более того, осенью 1916 г. Глобачев неоднократно предупреждал о растущей враждебности общества к политической системе и, в частности, к самому правящему дому. Но политической полиции никак не удавалось убедить высокопоставленных чиновников в чрезвычайности момента и необходимости решительных и эффективных мер.

Тем временем начиная с сентября недовольство масс резко активизируется. Отовсюду слышались настойчивые жалобы по поводу явных нарушений, негодности правления и ухудшения материального положения — голода, неравного распределения продуктов питания и предметов первой необходимости, а также резко растущей

инфляции. «Продовольственный кризис, — как уже писал Глобачев, — является исключительной и значимой причиной общественного ожесточения и недовольства». И далее: «В данном случае имеются определенные и точные данные, позволяющие категорически утверждать, что пока все это движение имеет строго экономическую подкладку и не связано почти ни с какими чисто политическими программами. Но стоит только этому движению вылиться в какую-либо реальную форму и выразиться в каком-либо определенном акте (погром, крупная забастовка, массовое столкновение низов населения с полицией и т. д.), оно тотчас же и безусловно станет чисто политическим». В его донесении в конце ноября повторялись те же опасения²⁴. И хотя казалось, что в результате проведенных ранее репрессивных мер против социал-демократических организаций последние находились в «ужасном положении», а эсеры были «абсолютно разрознены», Глобачев потребовал, дальнейших арестов центральной «инициативной группы» (меньшевиков) 13 сентября и террористических организаций анархистов 17 сентября. Аресты большевиков

²⁴ Донесение Глобачева от 26 ноября 1916 г. — ГА РФ. Ф, 97. Оп. 4. Д. 117. Л. 93–95. (Копия).

производились с 9 по 19 декабря и в ночь на 1 января 1917 г. Как сообщил Глобачев на следующий день директору Департамента полиции А. Т. Васильеву, руководящий комитет социал-демократической партии, большевистской фракции, остался все-таки целым и предположительно готовил попытку проведения демонстрации 9 января, в годовщину Кровавого воскресенья. Три дня спустя, 5 января, Глобачев докладывал материал, добытый через секретную агентуру: «Настроение в столице носит исключительно тревожный характер. Циркулируют в обществе самые дикие слухи (одинаково), как о намерениях Правительственной власти (в смысле принятия различного рода реакционных мер), так равно и о предположениях враждебных этой власти групп и слоев населения (в смысле возможных и вероятных революционных начинаний и эксцессов). Все ждут каких-то исключительных событий и выступлений как с той, так и с другой стороны. Одинаково серьезно и с тревогой ожидают как резких революционных вспышек, так равно и несомненного якобы в ближайшем будущем «дворцового переворота», предвестником коего, по общему убеждению, явился акт в отношении «пресловутого старца»». Далее он добавляет, что

политический момент напоминает канун 1905 года²⁵.

Практически с 1 по 17 января каждый день охранное отделение проводило обыски и аресты лидеров большевистской партии, инициативной группы (меньшевиков), а в конце месяца рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета. С каждым днем доклады становились все тревожнее. Накануне 9 января Глобачев докладывает «о настроениях революционного подполья» по партиям, делая вывод о том, что «ряд ликвидации последнего времени в значительной степени ослабили силы подполья, и ныне, по сведениям агентуры, к 9 января возможны лишь отдельные разрозненные стачки и попытки устроить митинги, но все это будет носить неорганизованный характер... однако наблюдается общая распропагандированность пролетариата».

Донесения охранного отделения становятся все длиннее и затрагивают настроение, царившее во всех слоях русского общества. Так, в обширной записке от 19 января, полученной от осведомителя и представленной в Департамент полиции, говорилось: «Отсрочка заседаний Государственной

²⁵ ГА РФ. Ф. 102.00. 1917. Д. 20. Ч. 57. Л. 2; Блок А. А. Последние дни императорской власти. С. 16.

думы до сего времени продолжает быть центром всех суждений в самых разнообразных кругах столичного общества... население открыто (на улицах, в трамваях, в театрах, в магазинах и пр.) критикует в недопустимом по резкости тоне все правительственные мероприятия... Не способные к органической работе и переполнившие Государственную думу политиканы, всевозможные «герои тыла», сомнительные дельцы союзов городов, земств, военно-промышленных комитетов и пр. и пр. понимают свое полное бессилие помочь Правительству в деле упорядочения тыла разрухе которого они содействуют своими речами... Их пропаганда, не остановленная правительством в самом начале, упала на почву усталости от войны... возможно, что роспуск Государственной думы послужит сигналом для вспышки революционного брожения в разнообразных кругах общества и приведет к тому, что правительству придется бороться не с ничтожной кучкой оторванных от большинства населения членов Думы, а со всей Россией»... Далее в записке сообщалось о настроении в армии, о том, что озлобление обывателя дороговизной требует «кровавых гекатомб из трупов министров, генералов», а в семьях, затронутых политикой, «свободно рождаются речи опасного характера, затрагивающие даже священную особу государя

императора»...

26 января Глобачев пишет в Департамент полиции: «В дополнении к донесению моему от 19 сего января, за № 47 имею честь представить вашему превосходительству нижеследующий, вновь добытый через секретную агентуру вверенного мне отделения осведомительный материал о настроениях и ближайших намерениях активных руководящих кругов прогрессивно-настроенной и оппозиционной части столичного общества».

Доклад был очень серьезным. Говорилось и об обстановке в Государственной думе и имеющихся группах, о планах, стремлениях, о взаимоотношении с правительством, о Центральном военно-промышленном комитете и его позиции, о настроении рабочей группы ВПК и т. д.

В докладе от 26 января сообщалось, что передовые и руководящие круги либеральной оппозиции уже думают о том, «кому и какой именно из «ответственных портфелей» удастся захватить в свои руки», «наиболее авторитетные группы стремящейся к власти оппозиции», «самым коренным образом расходятся по вопросу о том, как разделить «шкуру медведя» «...» всем крайне хотелось бы предоставить право первой и решительной «боевой встречи» с обороняющимся

правительством кому угодно, но не себе, и потом уже, когда передовые борцы «свалят власть» и расчистят своими телами дорогу к «светлому будущему» — предложить свои услуги стране на роли «опытных и сведущих государственных строителей»...» «Что будет и как все произойдет в действительности, судить сейчас трудно, но, во всяком случае, — воинствующая оппозиционная общественность, безусловно, не ошибается в одном: события чрезвычайной важности чреватые исключительными последствиями для русской государственности... не за горами».

Данные сведения обеспокоили директора Департамента. Его резолюция гласила «Срочно. Чрезвычайно важно (включить. -3. П., Д. Д.) в записку Всеподданнейшего доклада т. министру о Пленарном заседании... Немедленно. Прошу записку в 3 экземплярах г. министру 27 янв.»

Исходя из вышеприведенных документов можно сделать вывод, что охранка была хорошо информирована о положении в столице. В штабе отделения был сильный офицерский состав, который ежедневно получал информацию, анализировал ее, составлял доклады и обзоры, которые затем отсылались в Департамент полиции.

Петербургское охранное отделение получало сведения по общественному движению и по партии кадетов из четырех очень важных источников. В

отличие от рабочей агентуры, которые давали сведения устно, агентура по общественному движению часто давала обширные самостоятельные записки. В основном это были журналисты, близко стоявшие к российским политическим кругам.

Пожалуй, наиболее интересные были сообщения «Петра Яковлевича». За такой кличкой скрывался журналист, сотрудник газет «Земщина», «Новое время», «Русское слово». Начал он свою работу в качестве секретного сотрудника еще в 1900 г. Первоначально давал сведения по социал-демократам и эсерам. Он жил и писал под разными именами. Некоторые его знали как Раковского Леонида Петровича, другие как Лернера Пинхуса Янкелевича, Рогозина Леонида Павловича, Финкельмана Михаила Львовича, Перлова Петра, Тиркеева Василия Петровича. Был секретный сотрудник под громкой кличкой «Парвус». Начинал свою деятельность в сыске с Саратова, где имел клички «поэт», «Петровский», затем служил в Самаре. Он работал в редакциях газет «Волжское слово», «Голос Самары». Жил под фамилиями — Чудов Николай Александрович, Длушнеvский Логин Логинович. Под кличкой «Туманский» давал сведения Ветров Евгений Дмитриевич, он же Беззабава-Беззабов Евгений Иванович. А под кличкой «Рутинен» — Денисов Николай Петрович — сын отставного генерал-майора, преподаватель

древних языков.

Проведенные в январе аресты подтвердили сведения, которыми располагало охранное отделение. Материалы, изъятые при обыске рабочей группы Военно-промышленного комитета, указывали на то, что ими готовилась демонстрация в поддержку Государственной думы и провоцирование ее к захвату власти. Демонстрации планировались на 10 или 14 февраля. В своем докладе (от 5 февраля) Глобачев писал, что они могут иметь успех, учитывая решительное настроение рабочих масс. Действительно, при высокой инфляции и периодическом исчезновении из магазинов хлеба и мяса «можно ожидать крупномасштабных забастовок, вооруженных столкновений с полицией и войсками, чтобы дабы кровавые события, толкающие страну к революционному перевороту в пользу буржуазных слоев».

Доклады Глобачева от 5 и 7 февраля очень обеспокоили петроградского градоначальника А. П. Балка, который собрал совещание по вопросу о мерах к охранению порядка и спокойствия в столице в дни 10–14 февраля. На этом совещании первое слово было представлено Глобачеву, который обрисовал настроение революционных организаций Петрограда. Здесь же были выработаны и меры борьбы в случае беспорядков.

В Петрограде 14 февраля забастовало 80 тыс. рабочих. Судя по всему, Глобачев не давал приказов об арестах. Согласно его сообщению в течение того дня, толпы до 500 человек ходили по улицам, скандируя: «Долой войну!», «Долой полицию!» и «Бей грабителей!». Склады хлеба, исчерпав свои запасы, закрыли двери. Народ требовал увольнения Протопопова. Циркулировали слухи о надвигающихся погромах. Офицеры (главным образом прапорщики) также принимали участие в беспорядках, насмехаясь над полицией.

На следующей неделе, в связи с прохладной погодой, которая, по-видимому, оказывала успокаивающее действие на бунтарей, было определенное затишье. Однако 21 февраля, когда был закрыт завод Путилова, лишивший десятки тысяч рабочих мест, настроение начало принимать воинственный характер. 23 февраля люди вышли на улицу, празднуя Международный женский день. Среди них было много женщин, детей, студентов. Казалось, что это было мирное шествие, но полиция была на страже и в некоторых местах «рассеивала толпу».

Но именно 23 февраля 1917 г. стало толчком к массовым беспорядкам. На работу не вышли 78 443 человека. 24 февраля эта цифра увеличилась в полтора раза (107 585 чел.), а 25 февраля она составляла 201 248, хотя в ведомостях о

происшествиях по Петрограду указывалось 240 тыс. человек.

Городской голова Петрограда А. П. Балка, которого Протопопов назначил в ноябре 1916 г., впоследствии заявлял, что Глобачев был не в состоянии объяснить ему причины народного волнения 23 февраля. В своем Дневнике он отмечал: «ни Департамент полиции, ни охранное отделение на мои запросы не могли указать мотивы выступления. При вечернем докладе начал[ьник] охранного] отд[еления] генерал-майор Глобачев не имел сведений, объясняющих случившееся». И хотя последний изо дня в день освещал настроение в Петрограде своими докладами, месяцами бил тревогу по поводу предстоящих беспорядков, события 23 февраля оказались неожиданными.

Спиридович в своей книге пишет, что Глобачев, постоянно говоривший о неминуемости революции, все же проглядел ее начало. Несмотря на то что Спиридович уважал начальника Петроградской охранки, он считал, что тот не мог предпринять надлежащие меры: «Он был реалист, хорошо понимал происходящие события, но не умел с ними справляться».

В ранее упоминавшемся докладе Глобачев предупреждал А. П. Балка, С. С. Хабалова, петроградское военное командование и Протопопова, что революционные активисты

подстрекают демонстрантов на следующий день провести более решительные антиправительственные протесты, добавив при этом, что войска в городе ненадежны. Хабалов отдал распоряжение арестовать революционных лидеров. Позднее Глобачев утверждал, что беспорядки возможно было бы прекратить, используя только регулярную полицию и жандармский дивизион. Однако контроль над ситуацией ускользал из рук правительства.

В связи с сообщениями о том, что социал-демократы планируют подорвать электроснабжение, другие важные для жизни города службы и предпринять меры, направленные на организацию вооруженных выступлений, и что анархисты намерены взорвать охранку и ГЖУ, Глобачев 25 февраля предложил немедленно арестовать около 200 активистов-революционеров и восстановленную рабочую группу Военно-промышленного комитета. Той же ночью полиция задержала сто членов революционных организаций, включая пятерых членов Петроградского комитета социал-демократов

Хотя петроградская охранка продолжала активно работать, она получала все меньше поддержки от городской полиции: 26 февраля, в воскресенье, поступило только шесть телефонных сообщений от всех полицейских участков города.

По контрасту с этой картиной — Глобачев получил сообщения от пяти секретных агентов. Так как сведения агентуры приходили в среднем раз в месяц, это было довольно большое количество информации для одного дня. Один из агентов, В. Е. Шурканов, высказался пророчески: если войска останутся верными правительству, революционное движение будет разрешено, если же нет, ничто не спасет страну от революционного переворота

В это время войска оставались почти полностью верными правительству и даже в нескольких случаях стреляли в толпу. Только одна рота Павловского полка взбунтовалась в середине дня.

Вспоминая о Февральских днях, Спиридович отмечал, что Глобачев уже осознавал, что «на них надвигается революция». И все же несмотря на то что был отличным офицером, «он не мог повлиять на министра и заставить его действовать». Впоследствии Глобачев заявлял, что он предупреждал Хабалова около шести часов того вечера, что толпы отказались разойтись, даже когда в них стреляли, и что он не может поручиться за надежность солдат, размещенных в Петрограде. Хабалов якобы отказался поверить этому. Бал к, однако, свидетельствует о том, что Глобачев будто бы его заверил, что войска держались твердо и беспорядки успокоятся.

Утром в понедельник 27 февраля толпы народа вышли на улицы. В городе царила суматоха, люди занимались мародерством, взламывали правительственные учреждения и т. д. В этот день Глобачевым было послано последнее донесение в Департамент полиции с сообщением о событиях в городе. Оно было доставлено в связи со спешностью на квартиру заведующего особым отделом полковника Васильева. Это был последний день службы Глобачева. Началась Февральская революция.

Через несколько дней В. М. Родзянко опубликовал сообщение с предложением офицерам явиться в Таврический дворец, что Глобачев и выполнил. Так он более чем на семь месяцев оказался заключенным первоначально в министерском павильоне Таврического дворца, затем в тюрьме «Кресты» и на гауптвахте штаба Корпуса жандармов. Он находился в распоряжении Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Сохранилось четыре протокола его допроса в материалах ЧСК. Три из них были проведены следователем ЧСК А. А. Спичаковым-Заболотным и касались вопросов организации службы секретной агентуры, министров внутренних дел, событий в Петрограде и т. д. Четвертый протокол вел судебный следователь Петрограда, и касался он руководителей

большевиков и меньшевиков, германских денег, Ленина. В этом плане интересен его ответ: «Я категорически удостоверяю, что за мое время Ленин ни в какой связи с охранным отделением не состоял, а равно мне неизвестно, чтобы такая связь существовала ранее и чтобы он оказал какое-либо влияние на забастовку, имевшую место на петроградских фабриках и заводах непосредственно перед войной. Такими сведениями, чтобы Ленин работал в России во вред ей на германские деньги охранное отделение, по крайней мере, во время моего служения не располагало». Освобожден он был 14 октября 1917 г. уже советской властью по ходатайству жены перед Урицким.

Оказавшись на свободе, Глобачев бежал на Юг, был чиновником полиции в Киеве, Одессе. Дважды выезжал из России и вновь возвращался. С 1920 г. служил в российском посольстве в Константинополе. В июле 1923 г. он с семьей перебрался в США, где ему пришлось зарабатывать средства к существованию то в качестве слуги, то вольным художником в Нью-Йорке. Получив с 1929 г. американское гражданство, Глобачев отправился в Париж по приглашению Русского общевойскового союза в качестве заместителя директора секретно-политического отдела этой организации. Когда в 1934 г. отдел был упразднен, Глобачев вернулся в США. Однако находясь на

чужбине, он все же не оставлял надежды вернуться на родину. Умер он 1 декабря 1941 г. в Нью-Йорке.

Об этом читатель прочтет в воспоминаниях самого Константина Ивановича, его жены и внука.

Как было сказано выше, книга включает воспоминания и очерки трех авторов. Центральное место в ней занимают мемуары самого К. И. Глобачева, состоящие из двух частей: они охватывают период с момента назначения его начальником Петроградского охранного отделения в феврале 1915 г., включают годы Гражданской войны и заканчиваются первыми годами эмиграции (декабрем 1922 г.). Воспоминания сохранились в виде машинописной рукописи. Подлинник находится в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. Одна из копий в Государственном архиве Российской Федерации. Глобачев писал свои воспоминания по памяти, не имея никаких документов под рукой. В фонде Департамента полиции сохранились его донесения о настроении в столице в 1916 г. и предфевральских днях 1917 г., о которых говорится в предисловии. Эти документы известны историкам Февральской революции только по тем небольшим отрывкам, которые приводит А. Блок в своей работе «Последние дни императорской власти». Часть из них составлена в Охранном отделении и подписана Глобачевым. Часть донесений, которые также

считаем донесениями Охранного отделения идет без подписи. (Подписано только сопроводительное письмо). Эти документы составлены достаточно компетентными лицами, вращавшимися в думских, журналистских, партийных кругах, информаторами Глобачева. Составители посчитали необходимым дать эти документы в приложении. В семитомнике «Падение царского режима» неоднократно упоминается имя Глобачева в связи с допросами представителей политического сыска. Допросы самого Глобачева в издании отсутствуют. Поэтому в качестве приложения даются три протокола его допросов в ЧСК (6 апреля, 26 июня, 14 октября) и протокол допроса судебным следователем Петрограда 3 августа 1917 г.; четыре письма к жене в период Гражданской войны; приказ посольства в Константинополе об увольнении Глобачева (1923 г.); письмо Глобачева редактору газеты «Ивнинг Пост» в Нью-Йорке с критикой и разоблачением некоторых положений статей генерала Комиссарова, опубликованных в этой газете; письмо А. Драгомирова с приглашением принять участие в работе Российского общевойскаского союза (18 августа 1930 г.); бывших коллег письма К. Лепешникова (1934 г.), П. А. Кусонского (1937 г.) к К. И. Глобачеву и его ответ последнему. Эти документы не только дополняют биографические сведения о Глобачеве, но и

рассказывают о жизни в эмиграции, его работе в Российском общевоинском союзе.

Текст воспоминаний и приложений дан в соответствии с современными правилами публикации исторических источников, поэтому в документах исправлялись лишь явные опечатки и описки. В квадратных скобках указаны слова, предположительно пропущенные при написании. Все исправления и добавления оговариваются в подстрочных примечаниях.

Воспоминания снабжены комментариями. При их составлении использован широкий круг источников и литературы, в комментарии по мере необходимости включались цитаты из текста источников. Кроме того, имеется развернутый именной указатель, который порой заменяет необходимый комментарий. При его подготовке привлекалась обширная литература, в том числе энциклопедическая.

В предисловии к книге авторы сочли необходимым остановиться не только на личности Глобачева, но дать краткую историю политического сыска и Петроградского охранного отделения.

Составители выражают глубокую признательность за предоставление документов и право их опубликования профессору Колумбийского университета и шефу Бахметевского архива Р. Уортману и Т.

Чеботаревой (Бахметевский архив).

Особая благодарность семье К. И. Глобачева, его внукам В. Г. и О. Г. Мариничам за предоставленные документы и ценные фотографии.

В ходе подготовки книги к публикации большую помощь составителям оказали сотрудники ГА РФ: Л. Г. Аронов, И. Н. Засыпкина, Л. В. Крячкова, А. А. Литвин, К. Г. Ляшенко, А. И. Цветкова, Е. А. Чиркова, В. И. Широков.

З. И. Перегудова, Дж. Дейли.

ЧАСТЬ I

Вступление

Предлагая настоящие воспоминания общественному вниманию, я должен сказать, что опубликованием их я отнюдь не имел в виду излагать историю русской революции или разбирать в широком масштабе причины, вызвавшие это пагубное явление, — это задача слишком сложная в настоящее время и будет уделом будущего беспристрастного историка, а хотел лишь дать тот материал, который наравне с прочими материалами мог бы послужить к изложению таковой истории.

Мне, как лицу, близко стоявшему к правящим сферам, с одной стороны, и по роду своей

деятельности имевшему непосредственное соприкосновение с разными слоями населения — с другой, приходилось много беседовать, наблюдать и видеть такого, что могло ускользнуть от внимания простого обывателя или мало компетентного в вопросах внутренней политики лица. Многие мелочи, конечно, ускользнули из моей памяти благодаря тому, что со времени совершившихся событий прошли годы, но все, что касается характеристики политических деятелей и характера и значения самих событий, то это осталось живым в моей памяти. К большому моему сожалению, многого я не могу подтвердить документами, так как все дела Охранного отделения и личное мое имущество были частью сожжены, частью разграблены, а частью попали в руки новой революционной власти в первые же дни переворота.

В течение двух лет я был свидетелем подготовлявшегося бунта против верховной власти, никем не остановленного, приведшего Россию к небывалым потрясениям и гибели. Говорю «бунта», а не революции, потому что русский народ еще до революции не созрел и потому что в общей своей массе он в перевороте не участвовал. В самом деле, что необходимо для самого существования революции? Нужна идея. Ведь если заглянуть в историю, то мы увидим, что революции совершались под влиянием

какой либо идеи, захватившей всю толщу народа. Большой частью эти идеи были патриотическими-национальными. Была ли идея у руководителей русской революции? Была, если этим можно назвать личное честолюбие и своекорыстие главарей, вся цель которых заключалась лишь в захвате какой бы то ни было ценой власти в свои руки. Россия вела грандиознейшую войну. Казалось бы, для успешного ее окончания нужно было напрячь все свои силы, забыть все свои личные интересы и все принести в жертву отечеству, помнить только о том, что прежде всего необходимо выиграть войну, а затем уже заняться своими домашними делами. А между тем, что делает цвет и мозг нашей интеллигенции? При первой же военной неудаче он старается подорвать у народа доверие к верховной власти и к правительству. Мало того, он старается уронить престиж носителя верховной власти в глазах серых масс, обвиняя его с трибуны народных представителей то в государственной измене, то в безнравственной распущенности. Государственная дума — представительный орган страны — становится агитационной трибуной, революционизирующее эту страну. Народные представители, к которым прислушивается вся Россия, не задумываясь о последствиях, решаются взбунтовать темные массы накануне перелома

военного счастья на фронте, исключительно в целях удовлетворения своего собственного честолюбия. Разве здесь есть патриотическая идея? Наоборот, в существе всей работы этих людей заложена государственная измена. История не знает примеров подобного предательства. Вся последующая работа социалистов и большевиков по разложению России является лишь логическим последствием предательства тех изменников, которые подготовляли переворот, и последних нельзя так винить, как первых. Они по-своему были правы, они хотели преобразовать государственный и общественный строй России по своей программе — по тому рецепту, который являлся конечной целью их многолетней работы и мечтой, лелеянной каждым социалистом, какого бы он ни был толка. Это являлось осуществлением их идеологии.

Русская интеллигенция должна бы была брать пример с других государств, принимавших участие в великой войне, где несмотря также на ряд тяжелых испытаний и классовую борьбу, все сплотилось вокруг своих правительств, где были забыты все домашние споры и распри, где все личные интересы приносились в жертву общему делу, где все было поставлено на карту во исполнение единой заветной цели — победить врага. Там все работали во имя национальной идеи. У нас работали в пользу врага, стараясь елико возможно развалить тыл

армии, а вместе с тем и свалить могущественнейшую монархию. Если против России с внешней стороны был выставлен общий фронт центральных держав, то такой имел союзника в лице нашей передовой интеллигенции, составившей общий внутренний фронт для осады власти в тылу наших армий. Работа этого внутреннего врага велась методично в течение двух лет, причем использовались все неудачи, все ошибки, малейшие события и явления последнего времени. Создавались специальные организации, якобы подсобные правительству для успешного ведения войны; на самом же деле предназначенные исключительно для того, чтобы подтачивать изнутри государство и армию. Даже в центральных учреждениях старались создать недовольство и оппозицию против существующего порядка. Было использовано все: ложные слухи, клевета в печати, тяжелые экономические условия, воздействие на рабочие массы, подпольное революционное движение, раздоры среди членов правительства, личные интриги и т. п. Словом, все средства были пущены в ход для создания революционной атмосферы, для того, чтобы ни одного защитника старого порядка не нашлось, когда будет поднято знамя восстания в пользу руководящего революционного центра. Правительство своей слабостью и неспособностью невольно шло ему

навстречу, не выделив из своей среды за два года ни одного хоть сколько-нибудь талантливого и твердого политического деятеля, способного остановить это злое дело. И вот ужасный российский бунт начался, и кошмарные его последствия продолжают до сего времени, а когда этому наступит конец, того никто не ведает.

За свою тысячелетнюю историю русский народ часто бунтовал и всегда приводился к этому предателями обманным способом. Вспомним «смутное время», «стрелецкие бунты», вызванные крамолой бояр, восстание Стеньки Разина, «Пугачевский бунт», бунт декабристов. Во всех этих событиях народные массы вводились в заблуждение изменниками России. Сравнительно еще недавно, в 1902 г., во время аграрных беспорядков в Малороссии, для того, чтобы взбунтовать крестьян против помещиков, агентами революционных комитетов распространялись среди крестьян апокрифические золотые царские грамоты, разрешавшие им отбирать землю и инвентарь от помещиков, — и серые массы на это шли. Это служит доказательством, что революционеры сами понимали, что русский народ способен только на бунт.

Глава I

Петроградское охранное отделение

*— Его организация, — Агентурная часть, —
Следственная часть, — Производство
обысков, — Канцелярия. — Наружное
наблюдение, — Охранная команда, —
Центральный филерский отряд, —
Регистрационный отдел, — Начальник
Отделения, — Задачи Охранного отделения, —
Революционное и рабочее движение, —
Общественные настроения,*

Я был назначен начальником Петроградского охранного отделения в январе 1915 года. Официальное его название было: «Отделение по охранению общее шейной безопасности и порядка в Петрограде», Это был самый крупный из органов местного политического розыска в РОССИИ. Он насчитывал до 600 служащих и подразделялся на следующие отделы; 1) собственно Охранное отделение, 2) Охранную команду, 3) Центральный отряд и 4) Регистрационный отдел.

Собственно Охранное отделение имело такую организацию: агентурная часть, следственная часть, наружное наблюдение, канцелярия и архив.

Агентурная часть являлась базой всего политического розыска, так как здесь сосредотачивались все материалы, полученные

непосредственно из агентурных источников. Работа распределялась между опытными жандармскими офицерами и чиновниками, которые заведовали каждый порученной ему частью агентурного освещения. Так, несколько офицеров ведало освещением деятельности партии социал-демократов большевиков, несколько — социал-демократов меньшевиков, несколько социалистов-революционеров и народных социалистов, несколько — общественным движением, несколько группами анархистов и специальный офицер — рабочим движением вообще. Каждый из этих офицеров имел своих секретных сотрудников, служивших источниками сведений; он имел личные с ними свидания на конспиративных квартирах и вел этих сотрудников таким образом, чтобы, с одной стороны, оберечь их от возможностей провала, а с другой — наблюдал за правильностью даваемых сведений и недопущением провокации. Полученные сведения, по каждой организации особо проверялись путем наружного наблюдения и перс-крестной агентуры, а затем подробно разрабатывались, то есть делались выяснения и установки лиц и адресов, определялись связи и сношения и т. д. Агентурные сведения после законченной поверки и разработки приобретали таким образом характер полной определенности и достоверности. Когда данная

организация была в достаточной степени обследована, то она ликвидировалась и весь материал, изъятый по обыскам, доставлялся в Охранное отделение, именно — в агентурную его часть, где он приводился в порядок, то есть отбиралось все преступное, имеющее характер вещественного доказательства для дальнейшего следствия. Систематизированный материал, списки обысканных и арестованных лиц, а равно и агентурная записка по данному делу передавались в следственную часть.

В следственной части производился допрос арестованных и свидетелей, предъявление вещественных доказательств, осмотр их, дополнительные выяснения, а если нужно, то обыски и аресты, а затем производилась передача всего дела судебному следователю, в губернское жандармское управление или военной власти, смотря по тому, какое направление принимало дело: то есть возбуждалось ли следствие, или дознание в порядке 1035 ст. Устава уголовного судопроизводства, или в административном порядке. Все расследования велись в установленные законом сроки, и арестованные вместе с передачей дела перечислялись дальнейшим содержанием под стражей за подлежащими лицами.

Самое производство обысков поручалось

полиции, иногда при участии чинов Охранного отделения (в более серьезных случаях) и всегда при участии понятых; весь отобранный материал поименовывался в протоколах, печатывался и в таком виде из местного полицейского участка доставлялся в Охранное отделение.

Для быстрого выяснения лиц и установки адресов при каждом полицейском участке столицы имелся свой специальный полицейский надзиратель, который производил эту работу и на которого кроме этого возлагалась обязанность два раза в день по телефону сообщать в Охранное отделение о малейших происшествиях в районе участка, а в экстренных и серьезных случаях он делал доклад немедленно. Вся текущая переписка, телеграфные сношения, денежная отчетность, казначейская часть, ведение дел и т. д. сосредотачивались в канцелярии, чем ведал делопроизводитель Отделения.

При канцелярии имелся архив и карточный алфавит, что составляло весьма существенную часть канцелярии, так как в алфавит заносились все лица, когда-либо проходившие по делам Отделения, с ссылками на номера дел и страниц. За несколько лет алфавит представлял весьма солидную регистрацию лиц, прошедших по делам и, таким образом, если нужно было навести справку о любом лице, то это требовало не более пяти минут, О

лицах, скомпрометировавших себя чем-либо в прошлом, можно было быстро получить самые подробные сведения. Сведения о лицах, по делам Петроградского охранного отделения не проходивших, получались так же легко при помощи своих полицейских надзирателей или путем телеграфных запросов в местные розыскные органы по всей Российской империи.

Отдел наружного наблюдения состоял из 100 штатных наблюдателей, или филеров, двух заведующих группами чиновников, двух их помощников и небольшой канцелярии (установки, сводки и т. п.). В филеры принимались люди, прошедшие военную службу, преимущественно из унтер-офицеров, грамотные, развитые и хороших нравственных качеств. Для удобства управления и работы филеры делились на две группы, из которых каждая подчинена была своему заведующему наружным наблюдением. Каждой группе давались задачи по наблюдению, согласно чему определялось число наблюдательных постов. Некоторая часть филеров вела наблюдение на извозничьих пролетках, для чего Охранным отделением содержалось несколько извозничьих лошадей с упряжками. Значение филерского отряда было весьма важным, так как он являлся проверочным аппаратом агентурных сведений и разработки таковых и, кроме того, подсобным для

обследования деятельности и связей данной организации. Все данные наблюдения излагались в дневниках и докладывались ежедневно заведующими группами начальнику Отделения.

Внутренний распорядок Отделения, канцелярское делопроизводство и наблюдение лежали на ответственности помощника начальника Отделения. В течение круглых суток в Отделении дежурили: один офицер, два полицейских надзирателя, дежурный по канцелярии чиновник и дежурные служители и филеры.

Охранная команда состояла из 300 чинов охраны и двух офицеров и была подчинена второму помощнику начальника отделения. Она занимала особое помещение на Морской улице, № 26, где имелись особые классы для инструктирования чинов команды их обязанностям. Назначение охранной команды было: охрана Его Величества по путям Его следования в столице, охрана императорских театров, охрана высочайших особ и охрана некоторых высокопоставленных лиц по мере надобности. В охранную команду принимались лица отборные, самой лучшей репутации, из прошедших ряды армии на должностях унтер-офицеров, хорошо грамотные и развитые.

Центральный филерский отряд состоял из 75 наблюдателей-филеров под командой особого

офицера, подчиненного начальнику отделения. Отряд составлялся из особо отборных и опытных филеров и предназначался для обследования серьезных организаций не только в столице, но и вне ее. Части его иногда командировались в провинцию в распоряжение местных розыскных органов для более осторожной и успешной разработки какого-либо дела. Кроме того, чины отряда выполняли и особо секретные задачи по наблюдению и охране. При высочайших проездах на них возлагалась задача наблюдения за линией проезда. Центральный отряд обладал всеми средствами для успеха выполнения ставящихся ему задач, как-то: грим, костюмы и принадлежности мелких уличных торговцев, газетчиков и т. п. Были в нем лица с высшим образованием, были и простые женщины и дамы.

Регистрационный отдел состоял из 30 (число колебалось) полицейских надзирателей и офицера — заведующего отделом, подчиненного начальнику Охранного отделения. Назначение отдела состояло в наблюдении и регистрации неблагонадежного элемента, приезжающего в столицу и проживающего в гостиницах, меблированных домах, комнатах и т. п. Для этого весь город был разделен на районы, в которые входило несколько полицейских участков и которые были в ведении специального полицейского надзирателя.

Последний во всех порученных его надзору помещениях имел свою агентуру из гостиничной прислуги, управляющих, швейцаров, дворников и т. д. Таким образом можно было не только собрать сведения о личности заподозренного лица, но и произвести самый тщательный осмотр всего принадлежащего ему имущества, не возбуждая с его стороны никаких подозрений. Кроме того, регистрационный отдел проверял детально и путем телеграфных запросов по местам приписок подлинность и легальность личных документов заподозренных лиц. Эта работа была весьма продуктивна и давала Охранному отделению весьма ценные сведения о прибывающих в столицу лицах. Чины регистрационного отдела, а часто и заведующий таковым, при высочайших выездах на временное пребывание в провинцию, командировались туда заблаговременно для регистрации местного населения и в помощь местному розыскному органу.

Все отделы Охранного отделения руководились лично начальником Охранного отделения, и им же устанавливался порядок работы. Начальники отделов, офицеры, ведающие агентурой, и чиновники, заведующие наружным наблюдением, делали ежедневно доклады лично или по телефону начальнику Охранного отделения, получая от него все задачи и указания. Ни одна

мелочь повседневной жизни столицы не должна была от него ускользнуть.

В обществе укоренилось мнение, что власть начальника Охранного отделения, особенно в Петрограде, была безгранична. Мнение это совершенно ошибочно. Все права и обязанности начальника Охранного отделения были строго регламентированы, и в сфере предупреждения и пресечения государственных преступлений власть его была чрезвычайно ограничена; во-первых, законом, а во-вторых, силою всевозможных влияний лиц, стоящих в служебном положении выше его. Это второе обстоятельство положительно связывало руки начальника Охранного отделения при применении им вполне законных мер в борьбе с революционным движением. Инициатива ликвидации преступных организаций и отдельных лиц, конечно, была в его руках, но приведение в исполнение самой ликвидации требовало санкции по меньшей мере товарища министра внутренних дел или даже самого министра, и такая санкция легко давалась, когда дело касалось подполья, рабочих кружков или ничего не значащих лиц, но совсем иное было дело, если среди намеченных к аресту лиц значилось хоть одно занимавшее какое-либо служебное или общественное положение; тогда начинались всякие трения, проволочки, требовались вперед неопровержимые

доказательства виновности, считались со связями, неприкосновенностью по званию члена Государственной думы и проч. и проч. Дело, несмотря на интересы государственной безопасности, откладывалось, или накладывалось категорическое «вето». Бели начальник Охранного отделения в силу исключительной экстренности осуществлял ликвидацию без предварительного доклада, то, во-первых, это ставилось ему на вид, а во-вторых, если в числе арестованных лиц значились лица вышеупомянутой категории, то таковые освобождались в самом непродолжительном времени по приказанию высшего начальства. Естественно, что при таком порядке вещей в том процессе, в котором нарастало революционное и бунтарское настроение, ответственны были главным образом рабочие кружки и периферия, а руководящая интеллигенция ускользала и продолжала делать свое преступное дело.

На точном основании закона и высочайше утвержденных Положений об охране и о местностях, объявленных на военном положении, каждому задержанному предъявлялось обвинение в течение первых же суток и арестованный содержался под стражей не более двух недель — при охранном положении и не более одного месяца — при военном положении, в течение каковых

сроков он либо, освобождался за отсутствием достаточных данных, изобличающих его виновность, или перечислялся на основании Устава уголовного судопроизводства за тем лицом, которое производило дальнейшее расследование и направляло дело в подлежащий суд, то есть за судебным следователем или начальником губернского жандармского управления. Арестованные в исключительных случаях содержались день-два при Охранном отделении, но в условиях далеко лучших, чем в общих местах заключений, а затем переводились в городские тюрьмы или арестные дома. Таким образом, начальник Охранного отделения ни роли обвинителя, ни судьи не играл и бессрочно никого держать под стражей не мог, как это принято было думать, а арестовывал только активных революционеров, да и то с большим разбором, и привлекал их к законной ответственности.

Охранное отделение со всеми отделами официально подчинялось Петроградскому градоначальнику, но в сущность и в технику работы его последний не входил. Руководил же Охранным отделением Департамент полиции и главным образом товарищ министра внутренних дел, заведующий политической частью, иногда же и сам министр. Задачи Охранного отделения были очень широки: активная борьба с революционным

движением, информация о настроениях разных слоев населения, наблюдение за рабочим движением, статистика ежедневных происшествий, регистрация населения, охрана высочайших особ и высокопоставленных лиц. Кроме того, на Охранное отделение возлагались особые секретные задачи, не имеющие прямого отношения к перечисленным обязанностям, в зависимости от требования Департамента полиции, министра внутренних дел, лица императорской фамилии, а иногда и военных властей. На основании всего осведомительного материала, получаемого Охранным отделением, составлялись доклады, которые представлялись: Департаменту полиции, товарищу министра внутренних дел, министру, градоначальнику, главнокомандующему Петроградским военным округом и дворцовому коменданту. Таким образом, все эти лица были в курсе политического положения и настроений текущего момента. С характером этих докладов можно отчасти ознакомиться по тем отрывкам, которые цитируются в статье Блока, напечатанной в IV томе «Архива русской революции». По этим выдержкам можно судить, что не было почти вопроса, который не был освещен Охранным отделением так, как это было в действительности, и что неизбежность близкой катастрофы была ясна.

Кроме письменных докладов, ежедневно

начальником Охранного отделения делались и устные доклады: директору Департамента полиции, градоначальнику и товарищу министра внутренних дел. В экстренных случаях министру и главнокомандующему.

Охранное отделение, как и все прочие органы политического розыска в империи, было прекрасно налаженным в техническом отношении аппаратом для активной борьбы с революционным движением, но оно совершенно было бессильно бороться с все нарастающим общественным революционным настроением будирующей интеллигенции, для чего нужны были другие меры общегосударственного характера, от Охранного отделения не зависящие. В этой области Охранное отделение давало только исчерпывающие информации, советы и пожелания, которые упорно обходились молчанием.

Что касается борьбы с подпольным революционным движением, то таковая велась Охранным отделением весьма продуктивно и успешно, и определенно можно сказать, что работа тайных сообществ и организаций в России никогда не была так слаба и парализована, как к моменту переворота.

В Петрограде за последние два года до революции проявлялась деятельность следующих революционных организаций: партии социалистов-революционеров, Российской Российской

социал-демократической партии большевиков и меньшевиков и различных анархических групп. Первая влачила жалкое существование до 1916 г., с какого времени как действующая организация прекращает совершенно свое существование. Партия с.-д. большевиков, наиболее жизненная, рядом последовательных ликвидаций приводилась к полной бездеятельности, но все-таки имела влияние на рабочую среду и боролась за свое существование. Партия с.-д. меньшевиков главным образом использовала легальные возможности, как-то: профессиональные союзы, культурно-просветительные общества, Центральный военно-промышленный комитет и т. д. С вхождением меньшевиков в последнее влияние их на рабочие круги Петрограда значительно возросло. Анархические группы возникали время от времени, и число их возрастало по мере приближения к моменту революции. Эти группы положительно целиком ликвидировались, и члены их в момент переворота почти все содержались по тюрьмам в ожидании суда. Революция автоматически освободила из-под стражи всех анархистов и родственный им уголовный элемент, чем и объясняется рост анархического движения при Временном правительстве; достаточно вспомнить черные автомобили, дачу Дурново, Московскую заставу и

т. д.

Когда, уже после революции, я и члены бывшего императорского правительства содержались под стражей в Министерском павильоне Государственной думы, то бывшие арестованные за принадлежность к разным политическим организациям и освобожденные из мест заключений в революционном порядке, посещали нас и высказывали удивление, почему произошел так удачно переворот, что это для них настоящий сюрприз и что отнести это на свой счет они не могут. И действительно, какими собственно, силами они обладали к моменту переворота? Все, что было талантливого и наиболее энергичного у них, находилось в эмиграции, в ссылках или было рассажено по тюрьмам. Уже только после переворота все это бросилось в столицу, боясь опоздать, так сказать, к дележу общественного пирога или шапочному разбору. Из более видных большевистских деятелей, например, которые впоследствии заняли служебные посты при правительстве Ленина, были в России: Подвойский, служивший в городской управе, но в 1916 г. арестованный, и Александр Шляпников, прибывший незадолго до переворота из-за границы нелегал, проживавший в Петрограде по чужому паспорту, но и он был намечен к задержанию в самом непродолжительном времени.

Работа всех подпольных организаций базировалась на рабочих массах Петрограда. Число рабочих в столице во время войны, а в особенности к 1917 г., значительно возросло по сравнению с довоенным временем благодаря тому, что все почти крупные предприятия и мелкие, значительно расширенные, работали на оборону. Общее число рабочих в Петрограде достигло цифры 300 000 человек. Настроение рабочих масс изменялось в соответствии с нашими успехами или поражениями на театре войны, и оно столько же было чутко, как и настроение всех прочих слоев населения к внешним успехам. Уже с начала 1915 г. создавалась последовательно весьма благоприятная почва для революционной пропаганды, но так как подпольные организации были недостаточно сильны, чтобы всецело руководить рабочим классом, то агитация велась главным образом за улучшение материального положения с постепенным переходом к чисто политическим требованиям. Экономическое положение страны, испытывающей кризис благодаря небывалой по своим размерам войне, вполне способствовало этой агитации. 1915 и 1916 гг. отмечаются прогрессирующей борьбой рабочих с работодателями путем экономических забастовок. Но заводы и фабрики бастовали порознь: одни кончали забастовку, другие начинали; иногда бастовали и целые группы

предприятий; число бастующих иногда доходило до 200 000, но никогда забастовка не превращалась в общую. Забастовки кончались почти всегда удовлетворением требований рабочих, то есть заработная плата повышалась. Бывали и политические однодневные забастовки, но особого успеха не имели и не захватывали всей рабочей массы. Эти забастовки обыкновенно приурочивались к годовщинам разных политических событий, например, 9 января — память революции 1905 г., 4 апреля — память Ленских событий, и др.

После Циммервальдовской и Киентальской социалистических конференций 1915 г. в рабочие массы Петрограда под влиянием агитации проникли новые пораженческие лозунги, принятые на этих конференциях. К пораженческому движению примкнули все социал-демократы большевики и часть социалистов-революционеров с Керенским во главе. Все рабочие группы, примкнувшие к пораженческому движению под лозунгом «война войне», тем не менее работ на оборону не бросали и даже не саботировали их. Вообще упорство в забастовках являлось невыгодным, так как приходилось иначе, как военнообязанным, идти на фронт.

Но в общем настроение рабочих масс нельзя было назвать враждебным по отношению к

существующему порядку, и если были между ними пораженцы, то все-таки большая часть искренно верила в победу, и не из страха быть отправленными на фронт, а из сознания долга перед Родиной и братьями. Материальное положение петроградских рабочих было весьма удовлетворительно, ибо, несмотря на все растущую дороговизну

жизни, заработная плата прогрессировала и не отставала от ее требований. Можно сказать, что в материальном отношении петроградские рабочие были в гораздо лучших условиях, чем прочее население столицы. Например, контингент служащих на государственной службе был гораздо менее обеспеченным, чем рабочие. При прогрессирующей дороговизне мелкие чиновники буквально голодали, и если жалование их иногда и повышалось, то прибавки всегда почти запаздывали против потребностей жизни. Это было отчасти причиной создания целого класса озлобленного чиновничьего пролетариата.

Население Петрограда, насчитывавшее до войны едва один миллион людей, возросло к концу 1916 г. до трех миллионов (считая окрестности), что, конечно, создало вместе с прогрессирующей дороговизной весьма тяжелые и прочие условия жизни (квартирный вопрос, продовольственный, топлива, транспорта и пр.). Все духовные интересы

этого трехмиллионного населения естественно сосредотачивались на течении военных действий и на внутреннем экономическом и политическом положении страны. Население чутко реагировало на всякие изменения на фронте, на все то, что говорилось в народе, на рынках, в Государственной думе, Государственном совете, в печати, что делалось при Дворе и в правительстве. Каждое новое известие и слух варьировался и обсуждался каждым по собственному умозрению и желанию. Общество большей частью питалось всевозможными вздорными и ложными слухами, где умышленно искажалась истина. Всякие неудачи, как внешние, так и внутренние, объяснялись всегда почти изменой или предательством, и все несчастья относились на счет Государя, его Двора и его министров. Государственная дума задавала тон всему и использовала тяжелое время государственной жизни для революционирования народа. Она не была деловым представительным органом, обязанным поднять в такие тяжкие минуты патриотические чувства и объединить всех на желании оказать помощь Государю и его правительству, а наоборот, она была тем оппозиционным центром, который использовал момент исключительного напряжения страны для революционного возбуждения всех классов

населения против существующего порядка. Когда образовался «прогрессивный блок» из членов Государственной думы и Государственного совета, то стало ясно, что русскому правительству и престолу объявлена была жестокая война изнутри. К мнению этих народных представителей прислушивался не только Петроград, но и вся Россия, считая, что одновременно ведется война с врагом внешним и внутренним в лице монарха и его правительства. Словом, смело можно было сказать, что к концу 1916 г. создалось такое настроение, что в лагере правительственном никого уже почти нет и что в случае решительной на него атаки, никто не станет на его защиту.

Пресса, предназначенная к тому, чтобы отражать настроения общества, в действительности сама создавала эти настроения в явно оппозиционном и революционном направлении. Даже такие полуофициозы, как «Новое время»⁹, становились на сторону пресловутой общественности и на путь борьбы с правительством; что же уже говорить о других газетах, находившихся в верных руках людей левого лагеря. Военная цензура, изымавшая часть печатного материала уже после его набора, заставляла выходить газеты с большим числом пропуском (белых мест), что создавало им еще большую популярность как органам, борющимся

якобы за право и истину.

Вот та обстановка, в условиях которой протекала работа Охранного отделения в Петрограде. Когда не только общественность, но даже правительственные органы, сами министры, военная власть, представительные органы и даже лица, окружающие Государя, борьбе с все нарастающим революционным движением не только не сочувствовали, но наоборот, одни сознательно, а другие бессознательно толкали Россию в пропасть.

Глава II

Центральный военно-промышленный КОМИТЕТ

*А. И. Гучков, — Официальные задачи ЦВПК.
- Политическое значение ЦВПК — Рабочая
группа ЦВПК — Выборы в группу. — Связь с
рабочими массами. — Ликвидация рабочей
группы ЦВПК — Значение ЦВПК после
Февральского переворота.*

Центральный военно-промышленный комитет